

На правах рукописи

ДЬЯЧЕНКО СВЕТАНА ВЛАДИМИРОВНА

ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ВОКАЛИЗМА ЮЖНОРУССКОГО ГОВОРА
В АРЕАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва
2021

Работа выполнена в Отделе диалектологии и лингвистической географии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Научный руководитель: кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела диалектологии и
лингвистической географии
ФГБУН Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Александра Валерьевна Тер-Аванесова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет»
Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник кафедры русского языка
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»
Ирина Борисовна Качинская

Ведущая организация Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»

Защита диссертации состоится 7 октября 2021 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 002 008 01 при Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН по адресу: Москва, ул. Волхонка, 18/2.

С текстом диссертации можно ознакомиться в библиотеке Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Полный текст диссертации размещён на сайте www.ruslang.ru.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2021 года.

Учёный секретарь диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор РАН

Д.М. Савинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена экспериментально-фонетическому исследованию гласных говора села Роговатое Старооскольского района Белгородской области и выяснению того, какое место – как в системном, так и в географическом плане – занимает вокализм этого говора среди подобных систем, распространённых в обширном ареале русских говоров на юго-востоке Европейской части России.

Село Роговатое находится в 40 км к востоку от районного центра – г. Старый Оскол, в 145 км к северо-востоку от Белгорода и в 75 км к юго-западу от Воронежа. Говор Роговатого относится к оскольским межзональным говорам типа Б южнорусского наречия по диалектному членению К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой и в диалектном отношении ближе к западным воронежским говорам, чем к белгородским.

Межзональные говоры представляют особый интерес для изучения, поскольку наличие в них черт разных диалектных зон позволяет строить предположения о направлении миграционных потоков населения в прошлом и, соответственно, об истории заселения тех территорий, на которых эти говоры распространены.

Данные говоров, подобных говору села Роговатое, чрезвычайно важны не только в синхронном и типологическом планах, но и имеют большое значение для истории русского языка и в целом для славистики. В первую очередь их данные важны для истории аканья и яканья, развития категории твёрдости/мягкости согласных в русском и других славянских языках, для славянской исторической акцентологии.

Актуальность исследования связана с тем, что, несмотря на наличие большого числа работ, посвящённых фонетике южнорусских говоров с диссимилятивными типами вокализма (см., например, работы К.Ф. Захаровой, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной, Д.М. Савинова, С.В. Князева, А.М. Красовицкого, Е.В. Корпечковой и др.), не предпринималась попытка подробного исследования вокализма (акустических и количественных характеристик гласных) одного говора с помощью современных инструментальных и статистических методов; инструментально-фонетические исследования отдельных говоров немногочисленны и далеко не покрывают всей территории распространения русского языка и даже отдельных групп его говоров. Кроме того, определённого уточнения и дополнения требуют имеющиеся в науке сведения о распространении говоров с архаическим диссимилятивным типом вокализма, к числу которых относится говор Роговатого.

Целью исследования является детальная характеристика вокализма ударного и первого предударного слогов в говоре с. Роговатое в плане фонетики и фонологии, интерпретация полученных данных в типологическом и географическом планах.

Целью исследования в плане фонетики является, в частности, детальная характеристика варьирования репрезентантов гласных фонем, выступающих в названных позициях, и определение условий этого варьирования.

На основе изучения количественных и качественных характеристик гласных первого предударного и ударного слогов методами инструментальной фонетики и аудитивным методом предлагается фонологическая интерпретация количественных и качественных отношений между гласными в названных позициях. Под количественными отношениями понимается фонологическая зависимость длительности гласных первого предударного слога от собственной длительности гласных ударного слога. Под

качественными – фонологическая зависимость акустических характеристик гласных (значений первых двух формант) первого предударного от акустических параметров гласных ударного слога. Качественные отношения между гласными первого предударного и ударного слогов являются проекцией количественных.

Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

а) произвести инструментальный анализ диалектного материала говора села Роговатое, заключающийся в измерении формантных значений и длительности ударных и предударных гласных звуков;

б) установить зависимость длительности ударных и предударных гласных от фразовой позиции, в которой находится словоформа, произведя сплошную интонационную разметку имеющегося материала;

в) осуществить аудитивный анализ качества гласных первого предударного и ударного слогов;

г) выявить ритмодинамическую структуру просодического ядра на основании всех возможных сочетаний предударных и ударных гласных с учётом фразовой позиции;

д) определить тип фонологической зависимости качества первого предударного гласного от качества ударного гласного;

е) произвести аудитивный анализ диалектного материала говоров Белгородской, Воронежской и Липецкой областей, в которых отмечен архаический вокализм или его следы;

ж) уточнить границы распространения говоров, вокализм которых типологически близок вокализму говора села Роговатое;

з) дополнительной задачей исследования является установление системных различий между говорами с архаическим обоянским яканьем и архаическим задонским яканьем.

Теоретической базой исследования послужили работы о типах южнорусского предударного и ударного вокализма, **методологической базой** – разработки в области инструментального анализа длительности и качества гласных звуков.

В соответствии с поставленными задачами применяются следующие **методы** исследования: метод системного анализа, метод инструментально-фонетического анализа, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический методы, а также ряд методик фонетического анализа и представления фонетических данных: представления системы ударных гласных в формантной плоскости, нормализации данных о формантных значениях ударных гласных, аудитивный метод. В работе применено несколько методик статистического анализа материала.

Материал исследования. В работе использованы аудиозаписи речи носителей говора – коренных жителей села Роговатое, сделанные сотрудниками Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, в том числе и автором настоящей работы, в ходе нескольких экспедиционных поездок в 2000-е и 2010-е гг. Для аудитивного анализа использовались расшифровки 14 часов аудиозаписей речи 9 информантов (восемь женщин и один мужчина, родившиеся в 1919–1949 гг.), выполненные автором этой работы и сотрудниками отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН А.В. Малышевой и А.В. Тер-Аванесовой. Для инструментального исследования была проведена сплошная выборка словоформ, имеющих первый предударный слог, из 4,5 часов аудиозаписей речи трёх информантов 1923, 1932 и 1935 гг. р. (эти же аудиозаписи

были использованы и для аудитивного анализа), измерены параметры предударных и ударных гласных в 1931 словоформе. Образцы звучащей речи носителей говора с. Роговатое, аннотированные в стандартной орфографии, представлены в Корпусе говора села Роговатое, подготовленном сотрудниками отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН, в том числе автором настоящей работы, совместно с сотрудниками Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ [Тер-Аванесова А.В., Дьяченко С.В., Колесникова Е.В., Малышева А.В., Игнатенко Д.И., Панова А.Б., Добрушина Н.Р. Корпус говора села Роговатка. 2018. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://www.parasolcorpus.org/Rogovatka/>]; материал этого корпуса также использован в настоящем исследовании.

Для лингвогеографического исследования использован материал Диалектологического атласа русского языка [ДАРЯ] (опубликованные и архивные карты, неопубликованные архивные материалы, хранящиеся в ИРЯ РАН), аудиозаписи, сделанные автором настоящей работы в ходе пяти экспедиций в несколько южнорусских сёл; в некоторых случаях эти записи позволили уточнить данные, собранные для ДАРЯ. Используются данные диалектологической литературы.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) вокализм говора впервые изучен на материале сплошной выборки данных из текстов определенного объема, произнесенных несколькими информантами; такой подход позволил применять к материалу различные методики количественного анализа и установить параметры вариативности элементов вокализма в говоре;

2) инструментально-фонетическим методом установлены качественные характеристики гласных ударного и первого предударного слогов, а именно: для каждого примера подсчитаны значения первых двух формант в стационарной части монофтонгов, установлены средние значения формант для каждой гласной фонемы говора и значимых для описания аллофонов, что для данного говора делается впервые; полученные данные изучены и визуализированы с применением методик представления данных об ударных гласных в формантной плоскости и нормализации данных о формантных значениях ударных гласных, что делается впервые по отношению к южнорусскому диалектному материалу; для данного говора подтвержден вывод, сделанный С.С. Высотским об асимметричности систем вокализма южнорусских семифонемных говоров, которым свойствен дифтонгический характер реализаций фонем /ѣ/, /ѡ/, а именно, о верхне-среднем подъеме монофтонга /е/ и ниже-среднем или среднем – монофтонга /о/; установлены особенности реализации фонемы /и/; установлены особенности и характер протекания дифтонгов;

3) новым является включение в анализ системы диссимилятивного аканья/яканья аллофонов фонем верхнего подъема;

4) количественные отношения между гласными первого предударного и ударного слогов в говоре с диссимилятивным типом вокализма впервые устанавливаются на сплошной, большого объема выборке примеров с применением статистических методов и с учётом фразовой позиции; применение количественных методов позволило выявить существование в селе Роговатое двух типов диссимилятивного яканья, что предположительно связано с говорами разных групп поселенцев, получивших в Роговатом земли в XVII и в XVIII вв.;

5) впервые установлены особенности коартикуляции согласных с последующим гласным переднего ряда, свойственные говору Роговатого и, предположительно, характеризующие и другие говоры с фонетическими системами, подобными системе этого говора;

6) посредством анализа большого массива данных, полученных в диалектологических экспедициях последних лет, и сопоставления их с данными ДАРЯ и диалектологической литературы уточняется граница распространения говоров, имеющих тот же тип вокализма, что и в исследуемом говоре, и иные, близкие анализируемому в данной работе типы вокализма.

Теоретическая значимость исследования заключается в применении комплексного подхода к изучению южнорусского вокализма, который анализируется с точки зрения различных параметров: лингвогеографического, акустического, количественного. Такой подход позволяет всесторонне представить систему гласных рассматриваемого говора и продемонстрировать его связь с другими южнорусскими говорами.

Практическая значимость состоит в том, что результаты данного исследования могут дополнить и уточнить имеющиеся описания и классификацию южнорусских диалектов, особенно тех из них, в которых наблюдаются архаические диссимилятивные типы вокализма. Кроме того, эти результаты могут быть использованы при подготовке учебно-методических материалов для лекций и практических занятий по русской диалектологии, диалектной фонетике, а также как сопоставительный материал при преподавании русской литературной и общей фонетики.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Система ударных гласных монофтонгов говора Роговатого такова, что гласные [и], [е], [ы] имеют значительно более переднее образование по сравнению с соответствующими гласными русского литературного языка. Гласный [е] имеет верхне-средний подъём, гораздо реже – средний, т. е. обычно является «закрытым».

2. Специфика коартикуляции роговатовского говора состоит в том, что губные согласные, находясь перед гласными переднего ряда [и], [е], «вызывают» повышение, иногда очень существенное, достигающее до 1000 Гц (от 2000 Гц в самом начале звучания, на стыке с губным согласным, до 3000 Гц) значений F2 этих гласных. Эта особенность коартикуляции, а также отсутствие формантных переходов на стыке дентальных с последующим [е], устанавливаемые инструментальными методами, в совокупности с аудитивными данными позволяют сделать вывод о немягкости губных и зубных согласных перед гласными переднего ряда в говоре.

3. Архаический диссимилятивный тип предударного вокализма сохраняется в говоре очень устойчиво как фонологическая модель, которой присуща зависимость качества и длительности аллофонов фонем неверхнего подъёма в первом предударном слоге от качества / собственной длительности ударной фонемы. Собственная длительность ударных гласных, как известно, коррелирует с их подъёмом и фонетически представляет собой градуальный признак, однако трактуется в таких фонологических системах как признак бинарный, по которому ударные гласные разбиваются на две группы: «фонологически краткие» гласные фонемы (верхнего подъёма и дифтонги верхне-среднего подъёма) и «фонологически долгие» (монофтонги области среднего подъёма и /a/). В диссимилятивных системах в первом предударном слоге фонетически

долгие и краткие аллофоны фонем неверхнего подъёма распределяются в зависимости от «фонологической долготы/краткости» гласных фонем ударного слога. В говоре Роговатого в позиции после твёрдых согласных в первом предударном слоге фонемы неверхнего подъёма совпадают в звуках [а] или [ъ] в зависимости от «фонологической долготы» или «краткости» (ступени подъёма) ударной фонемы. В позиции после мягких согласных в первом предударном слоге фонемы неверхнего подъёма совпадают в трёх (у некоторых информантов в двух) звукотипах: [ea] (или [иа]) – перед «фонологически краткими» ударными фонемами и [e] или [и] – перед «фонологически долгими». У части информантов зафиксировано задонское архаическое яканье как статистическая тенденция: наиболее частотны звукотипы [ea] ([иа]) и [e], однако в небольшом количестве примеров при последующем мягком согласном в редких случаях возможен [и] на месте фонем неверхнего подъёма в первом предударном слоге; у другой части информантов – «умеренное» задонское яканье с тремя звукотипами: [ea] ([иа]) перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов, [e] перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов при твёрдом последующем согласном, [и] перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов при мягком последующем согласном.

4. Предударные [а] и [ea] ([иа]), которые наблюдаются на месте фонем неверхнего подъёма перед «фонологически краткими» ударными фонемами /и/, /у/, /ъ/, /ω/, фонетически являются долгими, а предударные [ъ], [e] и [и], которые наблюдаются перед «фонологически долгими» ударными /а/, /о/, /е/, – краткими. Средние длительности долгих и кратких аллофонов фонем неверхнего подъёма в первом предударном слоге соотносятся как 5:3. Предударные аллофоны фонем верхнего подъёма имеют средние длительности, совпадающие с длительностями кратких аллофонов неверхнего подъёма, независимо от подъёма («фонологической долготы/краткости») ударного гласного.

5. Дифтонги, которые произносятся только под ударением в соответствии с фонемами /ъ/, /ω/, занимают в фонологической системе говора такое же место, как и монофтонги /а/, /о/ /у/, /и/, /е/. Об этом свидетельствуют прежде всего их дистрибутивные характеристики. По характеру протекания дифтонги в говоре имеют или равные по длительности первую и вторую фазы, или их первая фаза превышает по длительности вторую и может достигать 2/3 длительности всего гласного; переходная часть между фазами дифтонгов может быть разной длительности, от очень малой (в случае однородности фаз дифтонга), до достаточно продолжительной, если хотя бы одна из фаз дифтонга неоднородна и включает в себя участок коартикуляции. Средняя длительности дифтонга [ие] равна или незначительно превышает соответствующие значения монофтонгов [e] и [o], дифтонг [yo] характеризуется более высокой средней длительностью.

6. Условием произнесения, при котором средние абсолютные длительности ударных гласных коррелируют с собственной длительностью гласных, является позиция словоформы вне фразового акцента, а также позиция под фразовым акцентом (преимущественно в интонационных конструкциях типа 1, по Е.А. Брызгуновой), при котором ударный гласный имеет сравнительно невысокую длительность (до 150–160 мс). В таких случаях средние и медианные значения абсолютной длительности ударных монофтонгов говора последовательно соотнесены со ступенью их подъёма: чем ниже подъём, тем больше средняя длительность гласного. При более высоких значениях длительности ударного гласного, сопряжённых, как правило, с «эмфатическими»

фразовыми акцентами (ИК-2, особенно частотной в говоре ИК-6), столь последовательной соотнесённости не наблюдается.

7. Средние относительные длительности кратких аллофонов фонем неверхнего подъёма и аллофонов фонем верхнего подъёма 1-го предупредного слога перед ударными гласными неверхнего подъёма составляют чуть более 50 % от длительности ударных гласных (в словоформах типа *водá, неслá, хрестéц* 'укладка снопов', *ходóк* 'воз, телега'), средние относительные длительности долгих аллофонов фонем неверхнего подъёма – около 100 % от длительности ударных (в словоформах типа род. п. *воды́, прош. вр. мн. ч. несли́, предл. п. хрести́, ходи́*). Средние ОД аллофонов фонем верхнего подъёма перед ударными аллофонами фонем верхнего подъёма (повел. *пиди́, род. п. пиды́*) составляют 60–70 %.

Основные положения работы прошли **апробацию** на следующих международных и всероссийских конференциях, круглых столах и семинарах: VI Международная научная конференция «Фонетика сегодня». Москва, 8–10 октября 2010 года, ИРЯ РАН; «Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна: международная научная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д.ф.н., проф. С. Б. Бернштейна». 15–17 марта 2011 г., г. Москва, МГУ им. Ломоносова, Институт славяноведения РАН; Международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии». 27–28 октября 2012 г., г. Москва, ИРЯ РАН; Секция «Актуальные проблемы общего и сравнительно-исторического языкознания: методология, теория, преподавание» XXIII Ежегодной богословской конференции ПСТГУ. Москва, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. 22.01.2013 г.; XXIX Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров». 30.01.2013 г. Санкт-Петербург, ИЛИ РАН; Международный круглый стол «Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии». Институт славяноведения РАН. 12–13.02.2013 г.; Международный круглый стол «Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов». Москва, Институт славяноведения РАН, 16 декабря 2014 г.; XXXI Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров — 2015», январь 2015 г. Санкт-Петербург, ИЛИ РАН; Международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии: к 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе» 30 октября–01 ноября 2015 г. Москва, ИРЯ РАН; Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.; XXXIII Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров — 2017». Санкт-Петербург, 30–31 января 2017 г.; Международный семинар «Олаф Брок и Россия: 150-летию со дня рождения первого профессора славянских языков университета Осло посвящается». Москва, Посольство Королевства Норвегии, 25 апреля 2017 г.; Международный семинар «Олаф Брок и Россия: 150-летию со дня рождения первого профессора славянских языков университета Осло посвящается». Санкт-Петербург, Норвежский университетский центр, 26 апреля 2017 г.; Международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии». Москва, ИРЯ РАН, октябрь 2018 г.; Круглый стол «Диалектология и лингвистическая география. 1. Центр и периферия» (6 апреля 2019 г.) Организаторы: РГГУ, ИРЯ РАН; Международный круглый стол «Диалектология и лингвистическая география. 2. Методы сбора и интерпретации материала». РГГУ, 24–25 апреля 2020 г.

Онлайн-конференция на платформе zoom; XXIII Международный круглый стол по славянской диалектологии. Институт славяноведения РАН, 16–17 июня 2020 г. Онлайн-конференция на платформе zoom.

Структура работы. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографического списка и девяти приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** даётся краткая характеристика основных черт говора Роговатого, свидетельствующих о его принадлежности к оскольским межзональным говорам типа Б южнорусского наречия, согласно классификации К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой; определяются объект и предмет исследования; даётся характеристика материала; обосновываются актуальность и научная новизна темы; формулируются цель и задачи работы, методы исследования, обоснование его теоретической и практической значимости; излагаются основные положения, выносимые на защиту; сообщаются сведения об апробации результатов; описывается структура диссертации.

1 глава состоит из трёх разделов. В первом разделе освещается история изучения архаического южнорусского вокализма и взгляды разных исследователей на эволюцию диссимилятивных типов предударного вокализма. Во втором разделе проводится сопоставительный анализ различных систем диссимилятивного предударного вокализма архаического типа, уточняется территория их распространения и устройство в отдельных говорах. В первую очередь в этом разделе представлен анализ данных по вокализму говоров, типологически близких говору села Роговатое, в котором устойчивый характер имеет система архаического аканья и «умеренного задонского» яканья: рукописных материалов из архива ДАРЯ и новых материалов по говорам Воронежской и Липецкой областей, собранных автором и сотрудниками отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН. Уточняются данные по вокализму говоров сёл вблизи с. Роговатое, обследованных по программе ДАРЯ в 1950-е гг. и переобследованных нами в 2000-х гг. Данные по говорам с указанным типом предударного вокализма, занимающим центральную часть ареала распространения систем с архаическим предударным аканьем и яканьем, сопоставлены данными по говорам с другими разновидностями задонского и с обоянским типом яканья. Приводится и анализируется материал говоров, в которых архаический задонский тип яканья представлен в более или менее разрушенном виде (липецкие говоры). Высказывается предположение о принципиально разном устройстве и развитии вокалической системы говоров с обоянским и говоров с задонским типом яканья.

Говоры с семью гласными фонемами под ударением и архаическим типом аканья/яканья, расположенные на юге и в центральной части территории распространения архаического вокализма, достаточно устойчивы и хорошо сохраняют архаические системы вокализма до сих пор. При этом в тех из них, где зафиксировано обоянское яканье, в первом предударном слоге очень последовательно противопоставляются звуки [а] и [и] как аллофоны фонем неверхнего подъёма после мягких согласных. В тех же, где зафиксировано задонское яканье, «краткий» звукотип в значительной степени подвержен влиянию твёрдости/мягкости последующего согласного. Так, перед мягкими согласными

гласный [е] сдвигается вперёд, повышается его подъём, он сближается с гласным [и]; перед твёрдыми согласными предударный [е], напротив, может сдвигаться назад, его подъём понижается, он может сближаться с гласным [а]. Таким образом, некоторые из говоров с задонским яканьем (в числе которых и говор с. Роговатое) имеют тенденцию к преобразованию задонского в «умеренное» задонское яканье, другие же (например, говоры Липецкой области) развиваются в направлении ассимилятивно-диссимилятивных типов. Однако во всех говорах с архаическим аканьем и яканьем хорошо сохраняется количественная диссимиляция предударных гласных по отношению к ударным как фонологический принцип зависимости качества и количества предударных гласных от качества и количества (собственной длительности) ударных, как после мягких, так и после твёрдых согласных.

Говоры северной части территории распространения архаического вокализма характеризуются устойчивым архаическим аканьем, однако яканье здесь претерпело существенные метаморфозы. После мягких согласных перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма наряду с [а] наблюдается звук [е] (число примеров с [а] и с [е] примерно одинаково), как при мягком последующем согласном, так и при твёрдом. В позиции перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов при твёрдом последующем согласном обычен [е], а при мягком – [и]. Таким образом, система яканья, которая, по всей вероятности, имеет в основе задонский тип, в настоящее время демонстрирует тенденцию к «екающему» произношению перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма и к конкуренции звуков [е] и [и], частично связанной с твёрдостью/мягкостью последующего согласного, перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов. Если бы эта тенденция реализовалась полностью, то получившийся тип вокализма можно было бы назвать диссимилятивно-умеренным еканьем.

Третий раздел главы представляет собой обзор основных теорий о количественных характеристиках гласных и ритмической структуре слова в русских говорах вообще и в южнорусских говорах с диссимилятивным вокализмом – в частности.

Во **2 главе** диссертации содержится три раздела. Раздел 2.1 посвящён общей характеристике села Роговатое, раздел 2.2 – истории изучения говора, раздел 2.3 – общей характеристике фонетической системы говора.

Роговатое – одно из самых старых сёл Старооскольского р-на Белгородской области. Оно основано в середине XVII века на месте сторожевой станицы, расположенной на Кальмиусском шляхе.

Свое старое название Погорелое (или Прогорелое) село получило по Погорелому (Прогорелому) лесу, который и в наши дни находится на южной окраине села. Погорелый лес как часть Белгородской засечной линии упоминается с конца XVI века, а в первой половине XVII в. в «росписях сторож» упомянута сторожевая станица у Погорелого леса как крайняя точка разъезда ливенских, воронежских и «смесных» сторож – пограничных отрядов, выдвигавшихся из крепостей в степь для наблюдения за движением неприятеля. Однако уже в середине XVII века, когда охраняемая граница отодвигается к югу, в Роговатом-Погорелом начинают раздавать земли «служилым людям»; значительная часть современного населения Роговатого – это потомки однодворцев, получивших здесь земли за государственную и военную службу в XVII и XVIII вв., выходцев из Ливен и (позже) из

Нового Оскола. Датой основания села считается 1663 г., когда оно впервые упоминается в связи со строительством в нём каменной церкви Сергия Радонежского.

Со второй половины XVI в. территория, где расположено село, относилась к Белгородскому уезду (полку) и граничила непосредственно с Диким полем, столетием позже Роговатое находилось уже на границе со слобожанским Острогожским полком и было тесно связано с северной Слобожанщиной. В XVIII в. село было отнесено сначала к Курской, затем к Киевской и, наконец, к Воронежской губернии, в составе которой оно находилось наиболее долгое время. В 1954 г. вместе с частью Нижнедевицкого р-на Воронежской области Роговатое вошло в состав Белгородской области. Географическое положение Роговатого обусловило контакты с восточнукраинскими говорами, продолжающиеся уже около четырёх веков, результаты чего в говоре можно наблюдать на всех языковых уровнях.

В настоящее время Роговатое – третий по величине населенный пункт Старооскольского р-на, где проживает более 3 тыс. жителей, с развитой инфраструктурой (село газифицировано, имеется 11-летняя школа, участковая больница, почтовое отделение, 11 торговых точек), с большим числом учреждений культуры (библиотека, два клуба, два музея), церковь (старая церковь разрушена в 1930-е годы, новая построена в 1990-е), со сравнительно высокой занятостью населения. Основная часть населения – русские, в небольшом количестве есть украинцы.

Говор с. Роговатое был выбран для экспедиционного обследования группой диалектологов отделов диалектологии и фонетики ИРЯ РАН в 2007 г. За этой первой экспедицией последовало ещё 7 экспедиций (2009–2016 гг.). Полученный аудиоматериал послужил основой для создания двух электронных ресурсов: базы данных в формате STARLING, построенной С.А. Крыловым на основе расшифровок аудиозаписей в фонетической транскрипции, выполненных А.В. Малышевой, А.В. Тер-Аванесовой и С.В. Дьяченко, общим объёмом около 80 тыс. словоформ (в настоящее время не опубликована), и Корпусом говора с. Роговатое [А.В. Тер-Аванесова, С.В. Дьяченко, Е.В. Колесникова, А.В. Малышева, Д.И. Игнатенко, А.Б. Панова, Н.Р. Добрушина. Корпус говора села Роговатка. 2018. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://www.parasolcorpus.org/Rogovatka/>], где аудиозаписи были аннотированы на литературном языке, объёмом около 100 тыс. словоформ, и целого ряда научных работ.

Ниже даётся краткая характеристика фонетики говора.

Под ударением в говоре различается семь **гласных** фонем: верхнего подъёма – /и/, /у/, верхне-среднего – /ѣ/, /ѡ/, среднего – /е/, /о/, нижнего – /а/.

Фонемы верхне-среднего подъёма в сильной фразовой позиции представлены дифтонгами: /ѣ/ – дифтонгом [иѣ], /ѡ/ – дифтонгом [уѡ]; монофтонгические реализации /ѣ/ и /ѡ/ встречаются в слабых фразовых позициях. Дифтонгическое начало отличает реализации фонем /ѣ/ и /ѡ/ от реализаций фонем /е/ и /о/, которые представлены гласными с ровным началом.

Гласные фонемы могут находиться после твёрдых и после мягких согласных фонем. Фонемы переднего ряда /у/, /о/, /а/ после твёрдых согласных фонем и в начале слова реализуются монофтонгами [y], [o], [a], а после мягких согласных фонем – дифтонгами [иу], [ио], [иа] или [ea] с выраженной *и*-образной или *е*-образной начальной зоной. После

мягких согласных как полифтонг с *и*-образным началом реализуется также фонема /*ω*/ – [иуо]: *т'цуботкь, т'цубоплэй, з'амл'цубой* и т. п.

В позиции первого предударного слога после твёрдых согласных в говоре – архаическое диссимилятивное аканье: в соответствии с фонемами неверхнего подъёма [а] произносится перед ударным слогом с гласными фонемами верхнего или верхне-среднего подъёмов: *бал'ит', балу'ит', бал'иёт', бару'олс'и, тап'ил'и, снапы, раст'ут', пал'у, сас'иётка, за л'иесъм, талу'оч', салу'ому*, в этом же звуке совпадают фонемы неверхнего подъёма после отвердевших шипящих и *ц* перед ударными /и/, /у/, /ѳ/, /*ω*/: *жан'ы, жану', жал'иёл, цану'ойу, нь цану'*; [ѳ] произносится перед слогом с ударными гласными фонемами среднего подъёма: *нь ст'о, кьн'еьц, ис кьн'п'е'й, ньд'еш, ньц'солнух, зьм'ок, а* также перед ударным гласным нижнего подъёма: *дъл'бат', ньк'айс'и, уьр'а*; то же после отвердевших шипящих и *ц*: *жьн'а, цьп'а, цьп'ом*.

В первом предударном слоге после мягких согласных – архаическое яканье. Фонемы неверхнего подъёма нейтрализуются в одном из трёх позиционно распределённых аллофонов: дифтонге [иа] (реже [еа]) – перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма: *куз'н'еацубовь, у с'т'еан'иё, пьньпр'еадут', ул'иад'и, п'ир'иамыльс', м'иал'у, ул'иад'иёт', ув'иаз'д'иё, зв'иану'о, с'иастру'ойу*, монофтонге [е] – перед ударными гласными [а], [о] перед твёрдым последующим согласным: *ум'ер'ла, дв'ен'ацц'т', л'еж'ал, сп'ер'ва, св'ет'ой* (м. р.), *м'еш'ок, н'ич'е'о* и [и] (или [е] у некоторых информантов) – перед ударными [е], [о], [а] перед мягким согласным: *п'ик'е, п'ит'орк'и, вр'им'ан'ч'к'у, р'иб'иат'ъм, у вр'им'ианк'и, в'ид'иорку, пл'ит'ион'ьи, т'ир'ет', т'ик'е – вым'ер'иайут', пръв'ер'иат', р'еб'ионк'ь, б'ир'ев'ионушк'ь, зур'еб'ион'ь, т'еп'ер'ь, мьт'ер'ей, р'ем'ен', а также перед сочетанием согласных, из которых по крайней мере последний – мягкий: н'ил'з'и'а, ч'ит'в'иорт'ьйу, с'с'и'стр'ионк'ьйу – н'ел'з'и'а, ч'ерн'иав'ьй, не см'ел'иш*.

В говоре зафиксировано две разновидности архаического яканья, различающиеся качеством предударного гласного перед мягкими согласными и последующими ударными гласными среднего и нижнего подъёма. У одних информантов в этой позиции преобладает [е], у других – [и]: *ап с'ел'ен'йу, кл'ен'емс'и, вым'ер'иайут', пръв'ер'иат', у с'ер'иотку, з'ер'ионушк'ь АД¹; зур'иб'е, абд'ир'е, р'иб'иат'ъм, т'ил'иат', С'ир'и'огу, с'т'ир'и'ох ЕФ*.

Во втором предударном слоге после твёрдых согласных фонемы неверхнего подъёма совпадают в аллофонах [ѳ] либо [а], которые обнаруживают статистическое распределение относительно качества гласного первого предударного слога. Если в первом предударном слоге – [а], то во втором предударном обычно [ѳ]: *тръктар'ист, рьзр'ад'ила, ньстар'ел'и, уьвар'у, рьзв'арну'льс'*; крайне редко в этой позиции встречается [а]: *захат'ел'ьс', науан'у*. Если в первом предударном слоге – не [а] (а звуки [ѳ], [е], [и], [ы] или [у]), то в предшествующем ему второму предударному [а] встречается гораздо чаще, чем в позиции перед [а] первого предударного слога: *нар'еж'ал'ис'а, науьвар'ив'ьт', накл'д'е, Рауьватка, саб'ир'еш, саб'ира'иш*, в том числе в неприкрытом слоге: *ал'л'ин'ой, ап'ьлз'ет', аснь'ват'*. Однако в этой позиции встречается и [ѳ]: *рьскьп'ал'и, у уьрьд'ах, зьрьб'ат'вьт', пьмьу'айут', сьб'ир'е, нь с'иб'е*. Тем самым диссимилятивный принцип

¹ Список информантов см. на с. 38.

распределения аллофонов гласных фонем неверхнего подъёма прослеживается и во втором предударном слоге после твёрдых согласных.

Во втором предударном слоге после мягких согласных фонемы неверхнего подъёма нейтрализуются как в [и]: *п'ур'ис'эр'ут', п'ур'ест'ал, д'ур'ев'и'анн'их, р'им'аслу'б, с п'ис'ат'и* (с пятидесяти), *п'ур'а'у'он'иш*, – так и в [е]: *п'етух'а, н'ед'ъл'о'ка, н'е ст'я'л'и, н'е п'н'ал, зв'ера'б'и*. Выбор между [и] и [е] во втором предударном слоге не зависит от качества гласного последующего слога, а обусловлен твёрдостью-мягкостью следующего согласного: [и] выступает перед мягкими, [е] – перед твёрдыми согласными.

В заударных конечных открытых слогах после твёрдых согласных фонемы неверхнего подъёма совпадают в аллофоне [а], реже – в [ъ]: *мн'о'у'а, н'ед'ъл'о'ка, пра'вд'а, куп'и'ла, ста'ра'у'а аск'о'ль, х'атк'ъ, д'я'р'к'ъ, д'ъл'о'к'ъ*. После мягких согласных они совпадают в [а] или [е]: /а/ – *хм'ил'ев'а'ца, н'ад'ел'а, пра'внуч'к'а, Ва'ск'е* (и. ед.), /е/ – 3 ед. *п'р'ид'е* и *п'р'ид'а*, 2 мн. *д'ьид'ет'е* и *д'и'ел'ьит'а*, /ѣ/ – *из ма'мын'ьй х'ат'е, ис х'ат'а, у раст'ов'е*, и различаются с фонемой /и/: *о'с'ин'и*. Вместе с тем после мягких согласных [а] является наиболее часто встречающимся репрезентантом фонемы /а/.

В закрытых заударных слогах и в неконечных заударных открытых слогах после твёрдых согласных фонемы неверхнего подъёма совпадают в [ъ]: *з'ръ'ба'тъ'вь'т', хо'льд'н'ъ, р'ад'ьшк'ъм, у'тъч'ик*, реже в [а]: *тр'ап'ка'й'у, адд'ых'ал*; после мягких согласных – в [и], реже в [е]: *у'тъч'ик, к'и'н'иш, в'ы'жм'иш – на'л'ец, в'ьв'ель*.

В синхронном и историческом плане говор Роговатого характеризуется рядом особенностей дистрибуции гласных фонем и их аллофонов. От стандартного для говора отражения ударных *а, *ѣ > /а/, *ѥ > /ѣ/, *е > /е/ (перед мягкими согласными) ~ /о/ (перед твёрдыми согласными) имеются следующие отклонения.

1) В корнях форм презенса глаголов с инфинитивами на *-ить* праславянской акцентной парадигмы с, перешедших в акцентную парадигму В (смежно-подвижное ударение) на месте *а и *ѣ, *е после отвердевших согласных выступает фонема /ω/: 3 ед. *ву'бр'е* 'варить', *ву'бл'е* 'валить', *ду'бр'е* 'дарить', *ку'бт'е* 'катить', *п'лу'бт'е* 'платить', *пу'бл'е* 'палить' (на огне), *цу'бд'е* 'цедить', *за'цу'бл'е* 'зацепить', а также *б'ру'бн'е* 'бранить'.

В глаголе *садить* на месте корневого *а выступает фонема /о/: 3 ед. *со'д'е*, по-видимому, под влиянием /о/ в *ложить*: 3 ед. *ло'же*; оба глагола имеют формы прошедшего времени с накоренным ударением: *п'ъсо'дил, ло'жыла*.

Глаголы на *-ить*, не изменившие место ударения форм презенса, сохраняют /а/ на месте *а в корне: 3 ед. *ста'в'е* (а. п. А), *да'в'е, дра'з'н'е / дра'жн'е, х'ва'л'е* (а. п. В, из др.-рус. а. п. b).

2) В корне существительного *сѣръ 'орудие ручной молотыбы' (а. п. В) факультативно представлена фонема /о/: И. ед. *цон*, наряду с *цыеп*. В корне существительного *volъ (а. п. В) представлена фонема /а/: И. ед. *вал*.

3) Фонема /е/ представлена на месте *ѣ под ударением перед мягкими согласными в следующих корнях: деепричастия *у'л'ед'а / у'л'ед'а* (инф. *у'л'иади'ет'*), форм глаголов *в'ест'* 'вязать', ср. прич. *в'ез'ен'ьй* 'вязаная', *тр'ест'* 'трясти', *з'ьпр'еч'* 'запрячь' (ср. чередование с /о/: прош. *тр'ос, з'ьпр'ок*). В суффиксе слова *п'лем'енн'ик* ударный гласный [е], по-видимому, восходит к *е.

4) В форме род. ед. ж. местоимения 3 лица во втором слого окончания представлена фонема /e/ (рефлекс «носового *ě»): *ийé, йийé*.

5) Фонема /и/ на месте *ě между мягкими согласными выступает только в основе *д'ів'ир'* 'деверь'.

6) Фонема /e/ встречается в ограниченном круге лексем после парных твёрдых согласных: на стыке местоименной основы и суффиксов наречий *ъттédь, дькédь, дькél', дьтédь, ьтсél'*, на стыке основы и окончаний косвенных падежей ед. числа местоимения *один: ъднэй*.

7) Особенностью дистрибуции фонемы /e/ является её наличие в презентных окончаниях глаголов I спряжения: 2 ед. *н'ис'эи, н'ис'эс'с'е*, 3 ед. *н'ис'э, н'ис'эцць*, 1 мн. *н'ис'эм, н'ис'эмс'и*, 2 мн. *н'ис'эт'е, н'ис'эт'ес'е*; в безударной позиции в этих окончаниях выступает [и] перед согласным и [е] или [а] – на конце слова: 2 ед. *мélши*, 3 ед. *мél'е, úd'а*; глаголы II спряжения имеют безударные окончания 3 л. ед. числа, совпадающие с окончаниями глаголов I спряжения: 3 ед. *хód'а, нóc'е*. В отличие от окончаний, в основах результаты перехода *e, *ь > [o] перед твёрдыми согласными абсолютно последовательны, что отличает говор Роговатого от юго-западных русских говоров.

8) В нескольких безударных окончаниях фонема /a/ представлена вследствие «морфологизованной» делабиализации звука [y]: в окончании вин. ед. существительных женского рода на *-ь-а (*материя/матерья* 'сукно', *молния* (природное явление и застежка), *пенсия/пензия, армия, операция, фамилия, милиция*) и одушевленных существительных III склонения с неодносложной основой *мать, дочь, лошадь*. Примеры: *З дуба рáньше эт'и шкуóрк'и скребáл'и, и их ьттáпл'ивэл'и, и íм'и крас'ил'ис'е, крас'ил'и мьт'эр'йа; ни мьт'эр'йа, а халст'ину* ДР; *Л'уд'ám дáл'и ньрмáл'ньйу п'эн'с'ийь, а д'иэду н'иэ* МАМ; *Зьбрáл'и брáть ув áрм'ийь* ДР; *áрм'ийа адбúдут'* ЕС; *у м'ил'ицыйа пьпáлс'и* АД; *Аднú л'уб'е лóшьд'а* ДР; *Он прьдáл машыну, дь зь дóч'ьр'а зьплат'ил, а ш'ás б'ьз машы́н'е* АД; *Зь урутк'и мáт'ир'ь б'арут'!* ДР. Делабиализация [y] регулярно наблюдается в первом слого безударного окончания вин. ед. ж. адъективного склонения: *краснйу*, изредка также и во втором слого этого окончания: *адиéла ч'óрньйь куóфту*. Делабиализации не наблюдается в той же фонетической позиции в окончании тв. ед. ж.: *халуóдньйу вадубúу*.

9) Фонема /и/ в начале слова, перед которым находится слово, оканчивающееся на твёрдую согласную фонему, часто представлена аллофоном [и]; предшествующий согласный является слабо палатализованным (о палатализации согласных в говоре см. ниже на с. 17-18 автореферата): *ув' инс'т'итут, так' и нáдь*. Реже на стыке слов встречаются сочетания твёрдого согласного и [ы]: *ув ын'с'т'итут'е*. В говоре, таким образом, наблюдается смешение двух типов сандхи: первый тип характерен для севернорусских, западнорусских говоров и украинского языка, второй – для русского литературного языка.

10) В исконных морфемах и словоформах фонемы верхне-среднего и среднего подъёмов распределяются этимологически: на месте *ě представлена фонема /ъ/, на месте *e и *ь – /e/. Фонемы /o/ и /ω/ распределены в соответствии с принципом, который А.А. Зализняк называет «великорусским»: «а) /O/ из р.-др.-р. o (обычного или «вставного») есть /ô/ под автономным ударением и /э/ во всех прочих случаях; б) /O/ из e (обычного или

«вставного») есть /ɔ/»². Говор села Роговатое представляет собой классическую систему с распределением двух фонем «типа о» в соответствии с этим принципом. Диалектные особенности этого распределения связывают говор Роговатого с говорами Верхнего Дона, окрестностей Задонска и Ливен.

В основах заимствованных слов (в материале по говору это церковнославянизмы; заимствования из идиш; заимствования из русского литературного языка, в том числе из его официально-деловой и профессиональных разновидностей, из городского просторечия; через посредство двух последних источников в говор вошли заимствования из западноевропейских языков) в говоре зафиксированы /e/ и /ɛ/, /o/ и /ɔ/. Ниже приводятся примеры заимствованных слов с этими ударными гласными (в диалектологической литературе они практически не рассматривались).

Церковнославянизмы. а) Основы с неполногласием содержат фонему /e/: *вр'эдный, вр'эм'а, плэн, плénных*.

б) В личных христианских именах и производных от них (отчествах, фамилиях, гипокористических образованиях) перед /j/ выступает /ɛ/, перед другими согласными – /e/. Перед /j/: *Андр'уей, Йивдак'уейе, Царств'ей н'еб'есный, Мар'уей*; ср. также *Бл'акс'уевна, Андр'уевнъ*; не перед /j/: *Влэрка, үлэн, Д'им'энт'ева, Йелэна, Лэнч'к'а, Лэнъ, Мьтр'энц'ь, зват. д'ат' П'эт'к', им. П'эт'ушка, П'эт'к'е, П'эт'а, С'эрүьw д'эн'.*

в) Не в собственных именах зафиксирована только /ɛ/: *апр'уэл', къл'ил'уес'ит'* ‘куролесить: вести себя неподобающим образом’; возможно, сюда же *йавр'уей*.

Заимствования из идиш зафиксированы только с фонемой /e/: *п'эс'ик'и* ‘виски’, *кр'ич'аль на в'эс'х'эд'ьр* ‘кричала очень громко’.

В заимствованиях из европейских языков а) после парных твёрдых согласных фонем, после отвердевших согласных – /e/: *ьнтэна, зьтэхн'ик* ‘зоотехник’, *из музэйа, йей ьстáv'ил у кьтэджу, купэ, хвьэнды, штэк'ер, с'эм' прьцэнтъw, трьниэи*;

б) после заднеязычных согласных – /ɛ/: *хак'эй*;

в) после мягких губных и дентальных фонем в одних лексемах представлена фонема /e/, в других – /ɛ/: *п'эн'с'ийа, дьшла дь шп'энту, с'этэй ф'эрм'е, дькум'энт'ь, мат'эр'ие, нь т'эхн'ик'и, н'эрвы, дьвай прэ н'эфт' ньб'лак'им; нь л'исап'уэт'ь, кан'х'в'уэты, пьлтэра м'уэтра, у апт'уэку, у б'ибл'уат'уэк'и, н'уэту у м'ин'э хват'уэр н'икак'их, у үаз'уэт'е, катл'уэты, туал'уэт*.

Собственные имена независимо от их этимологии, с которыми носители говора познакомились в XX веке (фамилии государственных деятелей, названия стран и отдаленных населённых пунктов), как правило, произносятся с /e/: *Ам'эр'ика, Бр'эжн'ев, Йэл'цын, Л'эн'ин, Л'эн'инүрад, Т'ум'эн', Т'эр'ек*.

Строгих закономерностей в огласовке заимствований с ударным *о* выявлено не было, однако обнаружены тенденции к выбору /o/ или /ɔ/ в зависимости от времени вхождения в говор и освоенности слова.

Наиболее старые заимствования – церковнославянские имена собственные – почти всегда с /ɔ/: *Авдуб'та, Дуб'мна, М'ируб'иха* (прозвище по свекру), *Хрубл, Йаубр'ий* (св. Георгий); ср. также *Хр'истубс*; однако /o/ в *үр'уор'ич'*.

² Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. – М., 1985. – С. 173. Напомним, что А.А. Зализняк использует /O/ как обобщенное обозначение фонем «типа о». Обозначение /ɔ/ А.А. Зализняка соответствует используемому в настоящей работе обозначению /o/, обозначение /ɔ/ А.А. Зализняка – нашему /ɔ/. В данном случае мы следуем традиции обозначения фонем-дифтонгов, восходящей к работам А.А. Шахматова.

Заемствования, которые вошли в говор из русского литературного языка или через его посредство в послевоенные годы, обычно содержат /o/: *автѐбус/автѐбуз, тѐна, торх, бул'дѐз'ир, йендѐты* 'анекдоты', *сѐрт, д'инлѐм, блѐк, фѐл'клѐр, екѐлѐуийа, брѐйл'ирь, курѐрт, рѐбѐт, с'ирѐп* (а также *нѐцурѐпит* 'налить'), *трѐс, д'иѐунѐст'икѐ, ѐбрн* (курица леггорн), *кѐмнѐтка, Киркѐръѡ, райиспѐлкѐм, кѐсмѐс, ѐруѐн*; однако в этой группе есть и слова с /ɔ/: *т'ил'ифуѐн, батуѐн* (хлеба), *нуѐшна, с'илуѐс, наркуѐс*.

Более ранние заимствования обычно содержат под ударением /o/: *хв'арбуѐты* 'кружево', *хвуѐрма, камуѐрка, ѡрмуѐн', ѡрмуѐшка, р'амуѐнт, б'итуѐн* (бидон), *истуѐр'ийа, кантуѐру, картуѐхи, кѐл'идуѐр, пѐм'идуѐры, калуѐшы, йекануѐм'ит', йекануѐмнѐй, аѡрануѐм, хв'изануѐм'ийѐ, балкуѐн, куѐхта, икуѐла, ваууѐн, калхуѐс, к'илуѐм'ѐтрѐѓ* (и *к'илѐм'ѐтрѐв*), хотя среди таких заимствований встречаются и случаи ударной /o/: *хрѐйер* 'любовник', *мѐдѐ, нѐ фрѐнт'е, прѐбуѓ, рѐза, рѐзуа, рѐта, нѐсундѐл'иль* 'намазать' (маслом).

Носители говора отчётливо осознают разницу между /e/ и /ѐ/, /o/ и /ɔ/ в своей речи. При этом грамотные информанты утверждают, что букве *o* соответствует звук [o] (фонема /o/ говора), а для звука [yo] (фонемы /ɔ/) специальной буквы в русском алфавите нет. Аналогично обстоит дело с буквой *e* и звуками [e] и [ie].

Система **согласных** фонем в говоре Роговатого выглядит следующим образом:

губно-губные: /б/, /б'/, /п/, /п'/, /в/, /в'/, /ф/, /м/, /м'/;

переднеязычные альвеолярные: /д/, /д'/, /т/, /т'/, /з/, /з'/, /с/, /с'/, /ц/, /н/, /н'/, /л/, /л'/;

переднеязычные передненѐбные: /ч'/, /ж/, /ш/, /ж:/, /ш:/, /ш':/, /р/, /р'/;

среднеязычная средненѐбная: /j/;

задненѐбные: /к/, /к'/, /х/;

фарингальная: /ɣ/, /ɣ'/.

Ниже охарактеризованы особенности произношения согласных и распределения аллофонов согласных фонем.

Фонема /в/ представлена губно-губными звуками: щелевыми [в] или аппроксимантами [w], [ѡ] – как перед гласными непереднего ряда и звонкими согласными, так и на конце слова и перед глухими: *Мѐкарѐвѐ, навуѐзѐ, Ёл'акс'иѐвна, ѐлѐд'ийѐв лѓкѐвѐх, цѐѐвка, мѐркѐвкѐ, ул'йуѐв; ѡт, трѐѡу, каруѐѡѐ, упрѐѡл'ус', крѐѡл'а, каруѐѡк'и, диѐѓк'и, нѐ ѐѓцѐѡх, снапуѐѡ, снапуѐѓ*. Оглушение [в] происходит перед глухими согласными факультативно: наряду с *ѡс'а* отмечено *ѡс'а, ус'а*; наряду с *ѡ сѐмѓй* 'у самой' гораздо чаще отмечается *ѓ сѐмѓй, ѓ сѐмѓй*.

В начале фонетического слова *и, *ѡѐ, *ѡѐ в говоре не различаются. Так, предлоги и приставки *и и *ѡѐ представлены позиционно чередующимися [в], [w], [ѡ], [y], [ув], [увѐ]/ [ува]. Позиционное распределение этих вариантов можно проиллюстрировать следующими примерами.

После согласного и после паузы перед согласным – [y]. 1) *и: *и вѐт ѓ нас мѐмѓшѐ свар'иль ѐткѓйу сл'ивѓху*; 2) *ѡѐ: *рабуѐтѓт' ѓ прѐз'н'ик ѡр'иѐх; скуѐкѐ хр'асѓѓѓѓ ѓ капн'иѐ? стѓлкѓт' ѓ стѓп'ѐ; ѓ хр'асѓѓ тр'инѓцѓѓт' снапуѐѓ*.

После гласного перед согласным – [ѡ] или [w]. 1) *и: *шч'ѐ там Шѓръ ѓ т'ѐб'ѐ с вадуѓй? йѓ ѡ с'иб'ѐ нѐ ѡруѓд'ѐ нас'иѐила кѓнап'и*; 2) *ѡѐ: *расл'и ѡ пѓл'ѓ*.

Перед гласным – [uw], [ув]: 1) *и: *ѡв ѐкнѓ*, 2) *ѡѐ: *ѓѡ ѐднѐй кѐмнѐт'ѐ, ѡѡ ѐтѓй, ѡѡ автѐмѓт, ѡѡ ѡѓѓрѓ*.

Варианты предлогов и приставок *и, *въ [ува] / [увъ], как правило, представлены перед корнями, начинающимися с сочетания согласных, между которыми находились слабые *ь или *ь: *ува* *ws'уóm* у ч'óрнѣм, *ува* *ws'иéx* (единично у *ws'иéx*), *ува* *ÿс'иé*, *ува* *ws'ÿ*, *увъ* *ws'ákъй*, *ува* *мнуóу'их*, *ува* *ржы́*.

Фонема /в'/ имеет ограниченную дистрибуцию. Она встречается перед гласными непереднего ряда: *в'án'e*, *в'ól* и в этой позиции противопоставлена фонеме /в/, ср. *вал*, *вор*. Однако перед согласными и на конце слова мягкая /в'/ отсутствует: *ѣтп'рáÿт'e*, *крów* *бъл'на́йй*, *крów* *с'át'ициъ*, *крóв* *т'екла́*; можно говорить о нейтрализации противопоставления /в/ и /в'/ на конце слова и перед гласными переднего ряда.

Мягкие губные фонемы /м'/, /п'/, /б'/, в отличие от /в'/, в говоре имеют такую же дистрибуцию, как и мягкие зубные фонемы: встречаются перед любыми гласными фонемами (кроме /о/) и на конце слова (*цэп'* 'цепь'; *с'ém'*, *вуóс'им'*, *т'ém'* 'темнота'). Различение мягких и твёрдых губных на конце слова можно считать «восточнорусской» диалектной особенностью в говоре.

Фонема /ф/ присутствует в говоре в заимствованных словах, однако в виде аллофона [ф] у старшего поколения встречается редко. В речи всех наших информантов *ф* в словах, заимствованных через русский литературный язык или просторечие, регулярно субституируется звуками [хв], [хв'] (перед гласными переднего ряда), [х] (обычно перед [у], на конце слова, в сочетании с согласным). Примеры: [хв] – *хвóрт-хвóкус*, *хвъл'хл'óрнѣуъ ѳнсáмбл'ъ*, *в'эткъй хвóрм'e*, *хвѣтъурáф'ийъ*; *хвѣзэндy*, *шубы-хвалдúх'и*; [хв'] – *куóхв'ие*, *эт вот уш кал'и Л'én'ин-Стáл'ин уш ушóл с пѣстá и был'этът шых'в'ер*, *кан'х'в'иету*, *шѣхв'ор*, *Мáшкѣ Хв'ирс'их'ина*; [х] – *хунтѣÿ*, *хурáшкѣ*, *хундáм'ент*, *Хралубóвскѣи в'аршк'и*.

Звук [ф] в заимствованных словах в речи старшего поколения встречается гораздо реже: *с'этъй ф'éрм'e*, у *ф'ьврал'ÿ*, *нѣч'инáйе ѳнá тѣдá фабр'ит'*, *фъл'кл'ор*, *фъл'клор'мы иурáим* (поем народные песни), *кóфэ*.

Переднеязычные смычные и щелевые согласные имеют следующие характеристики. Палатализованные [т'], [д'] являются взрывными неаффрицированными звуками, степень палатализованности их, а также [с'], [з'], [н'] может быть слабой, особенно перед [е] (/e/).

Репрезентанты фонемы /л/ свидетельствуют о практически разрушенной системе отражения праславянского *l типа украинской и белорусской, встречающейся также в западно- и южнорусских говорах. Основным представителем фонемы /л/ независимо от позиции является [л] альвеолярный, невелиризованный, близкий к «среднему» [l]. В то же время на конце слова в словоформах прош. времени м. рода глаголов и в корнях структуры *ГьlГ эпизодически встречается произношение [w], [ÿ], как в украинском и белорусском литературных языках и говорах: *тоÿк* / *толк*, *шow* / *шол* / *шол*.

Фонема /л'/ представлена палатализованным [л'] перед [и], дифтонгами [иа], [ио], [иу], [иуо], безударным [и] и на конце слова. Перед гласным [е] (ударным и безударным) варьируют «средний» [l] и палатализованный [л']; ср. [l]: *Лéньч'к'а* ЕН, *с'éлецкѣй* 'глава сельской администрации', *ап'селéн'ÿу* АД.

Передненёбные шипящие фонемы /ш/, /ж/, /ш:/, /ж:/ не велиризованы, иногда на слух производят впечатление «полумягких». Мягкая фонема /ш':/ встречается только в корне местоимения *что*: [ш':o] и его производных.

Заднеязычные согласные палатализируются перед гласными переднего ряда слабо; на конце слова палатализованные заднеязычные не встречаются. Особенности дистрибуции

палатализованных и непалатализованных согласных этой группы следующие. В корнях господствуют сочетания их с [и]: *к'и́слый, пау'и́п, х'и́лый*, но встречаются и сочетания с [ы], особенно в безударном положении: *кышк'и́, кьп'ат'и́т'*. На стыке основы и безударной флексии им. ед. м. рода прилагательных, глагольного корня и суффикса /ива/ почти без исключений встречаются сочетания [кы], [гы], [хы]: *пр'ятау'о́кывайе, вздр'ау'ывайу, т'о́нкый* и под. Последовательно [кы], [гы], [хы] выступают на стыке основы и ударных окончаний мн. числа прилагательных: *так'и́, так'ых, дру'и́ми* и т.п., однако в случае безударных окончаний твёрдость конечного заднеязычного основы последовательно наблюдается только в форме им.-вин. мн.: *п'ар'с'и́цкаи*, где, вероятно, в окончании выступает фонема /о/ или /а/, ср. тв. мн. *п'ар'с'и́цкыми*, но род. мн. *п'ар'с'и́цк'их*. На стыке основы и флексий существительных отмечены только сочетания [к'и], [г'и], [х'и]: род., дат., предл. ед. *нау'и́, рук'и́*, род. ед. и им. мн. *св'ах'и́*, им. мн. *бык'и́*. Сочетания типа /Къ/, /Ке/ в говоре встречаются только в заимствованной лексике: *к'и́епка, х'э́дер* – и на стыке корня и суффиксов наречий /еда/, /еле/, где не происходит смягчения [к]: *д'эк'э́да, этк'эл'е* (ср. отсутствие смягчения зубных: *д'эт'э́да, этс'э́да*). Важной особенностью говора является прогрессивная ассимиляция заднеязычных /к/, /г/ (для /х/ примеров нет) мягким согласным, включая /ч'/: *д'о́ч'к'а, Ва́нк'у, П'этк'е^а, Ва́ск'е^а, д'ену'е́ам'и*, вследствие чего в говоре возможны сочетания типа [к'а], [к'у], [к'о]; результаты прогрессивного смягчения /к/, /г/ фонологизованы, так как за данным смягчением последовало отверждение парных по твёрдости/мягкости согласных перед согласными, ср. *п'и́смы, св'а́дба, на св'а́дб'е, бо́лна*. Таким образом, для данного говора можно устанавливать наличие фонем /к/, /г/, /х/ и /к'/, /г'/, с учётом того, что сочетаемость твёрдых и мягких задненёбных отличается от сочетаемости парных зубных.

Несмотря на то, что мягкие согласные фонемы могут быть реализованы звуками неполного смягчения, противопоставление твёрдых и мягких согласных отчётливо выражено не только перед гласными, но и на конце слова. Таким образом, в говоре Роговатого, как и в литературном языке, существует парность согласных фонем по твёрдости / мягкости. Непарными являются /ж/, /ш/, /ж:/, /ч'/, /ц/, /j/.

3 глава посвящена характеристике ударного вокализма роговатовского говора. Глава состоит из трёх частей.

В первой части рассматривается качество монофтонгов и [ы]. Приводятся их частотные характеристики – средние значения первой и второй формант, полученные на основе измерений в середине звучания гласного, и несколько графиков, изображающих локализацию монофтонгов в пространстве F1 и F2.

Моделирование системы ударного вокализма говора осуществлялось на материале аудиозаписи информантки ЕФ; всего было размечено 1257 словоформ, из них 419 примеров ударного гласного [а], 165 примеров [о], 135 примеров [у], 235 примеров [е], 233 примера [и], 70 примеров [ы]. На основании данных о значениях F1 и F2 на стационарных участках ударных гласных были построены графики, визуализирующие расположение гласных говора в формантной плоскости. Один из таких графиков, который построен на ограниченном материале: гласных в позиции между твёрдыми согласными ([а], [о], [у], [ы]) и после мягких согласных перед твёрдыми ([и], [е]), приводится ниже.

График 1. Монофтонги говора с. Роговатое перед твёрдыми согласными в пространстве F1 и F2

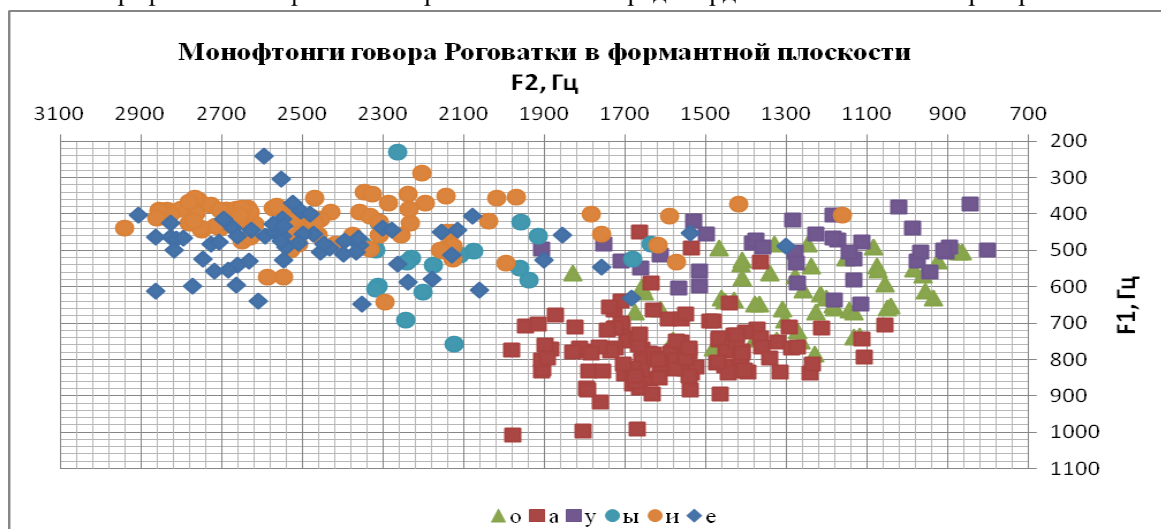

График показывает области «концентрации» и «рассеивания» гласных, находящиеся в зависимости от особенностей строения речевого тракта и отражающиеся на средних формантных значениях гласных и их стандартных отклонениях, см. таблицу 1.

Таблица 1. Монофтонги говора с. Роговатое: средние значения F1 и F2 и стандартные отклонения (указаны в скобках)

	F1 (Гц)	F2 (Гц)
[и]	424 (59)	2411 (354)
[е]	484 (75)	2450 (330)
[ы]	521 (106)	2145 (219)
[а]	775 (84)	1593 (194)
[о]	621 (82)	1263 (220)
[у]	504 (65)	1253 (279)

Из сравнения данных таблицы 1 с данными на графике 1 видно, что средние формантные значения находятся близко к центру «области концентрации» примеров на формантной плоскости у гласных [а] и [о], имеющих наименьшие стандартные отклонения от средних значений обеих формант. Напротив, у гласных [и], в меньшей степени [е] и ещё в меньшей степени [у], у которых стандартные отклонения от средних значений F2 наибольшие, средние формантные значения не соответствуют областям «наибольшей концентрации» примеров и сдвинуты в среднюю область значений F2. По-видимому, вследствие сильной дисперсии значений F2 гласного [и] средние значения этого параметра оказываются ниже, чем средние значения для [е] (последний оказывается как бы «более передним», чем [и]). При этом «области концентрации» примеров в формантной плоскости показывают всё же, что [е] не является гласным более передней зоны образования, чем [и].

Анализ данных о формантных характеристиках ударных монофтонгов позволяют сделать следующие выводы.

1. Формантные характеристики гласных [и], [е], [ы] близки, то есть эти гласные являются «гласными области переднего ряда».

2. Ряд гласных [и] и [е] выраженно передний: зона концентрации примеров этих гласных приходится на диапазон значений F2=2500–2850 Гц, однако зона концентрации

примеров с [e] перед твёрдыми согласными указывает на более низкие значения $F_2=2300-2700$ Гц.

3. Гласный [e] имеет в говоре верхне-средний подъём, гораздо реже – средний, т. е. фонетически является «закрытым» (вопреки закрепившемуся в исторической русистике наименованию «e открытое» для гласных в той этимологической позиции, где в говоре Роговатого выступает [e]: на месте *e, *ь).

4. В отличие от [e], гласный [o] имеет средний или средне-нижний подъём (его характеристики соответствуют закрепившемуся в исторической русистике термину «o открытое» по отношению к гласным в данной этимологической позиции: на месте *o под праславянским нисходящим ударением и *ь); таким образом, для говора Роговатого подтверждается вывод С.С. Высотского об асимметрии подсистемы монофтонгов среднего подъёма в южнорусских говорах с «семифонемным» вокализмом³.

Во второй части главы приводятся динамические спектрограммы монофтонгов и [ы] и обсуждаются особенности коартикуляции гласных и предшествующих им согласных.

Изменения первых двух формант гласных как отражение коартикуляции в русском литературном языке подробно изучены методами инструментальной фонетики. При изучении динамических спектров гласных и явлений коартикуляции в говоре мы опирались на схемы, представленные в книге С.В. Князева и С.К. Пожарицкой⁴, и на широко известную схему изменений F_1 и F_2 гласных русского литературного языка после твёрдых и мягких согласных разного места образования, принадлежащую Л.В. Бондарко⁵.

Оказалось, что изменения F_1 и F_2 на переходных участках гласных (в первую очередь – переднего ряда) после согласных разного места образования в говоре Роговатого иного характера, чем в русском литературном языке, что естественно связывать с качеством согласных в этой позиции. В говоре коартикуляция губных согласных со следующими за ними гласными переднего ряда [и], [e] выражается в повышении значений F_2 , иногда очень существенном, достигающем до 1000 Гц (от 2000 Гц до 3000 Гц); на переходных участках от зубных к [e] в говоре не наблюдается изменений F_2 или имеет место небольшое повышение её значений; в литературном языке в этих случаях наблюдается понижение значений F_2 , соответствующее *и*-образному переходному участку гласного. Эти особенности коартикуляции позволяют заключить, что губные согласные роговатовского говора в позиции перед гласными переднего ряда [и], [e] фонетически немягкие. Такой вывод подтверждается сопоставлением с коартикуляцией в сочетаниях звонких взрывных согласных с гласными переднего ряда в английском языке: как известно, в английском отсутствует смягчение согласных перед гласными переднего ряда, что отражается в повышении значений F_2 в зоне коартикуляции⁶.

На слух согласные перед гласными переднего ряда в говоре Роговатого воспринимаются как более или менее палатализованные, но в целом – как более «твёрдые», чем в русском литературном языке. Вместе с тем неподготовленные аудиторы – носители русского литературного языка – в диалектном произношении

³ Высотский С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. – М., 1967. – С. 72.

⁴ Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2011. – С. 294-295.

⁵ Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. – М.: Просвещение, 1977. – С. 65.

⁶ Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика: учебник. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – С. 170-173.

словоформ *скребешь*, *купила*, *нарубил* оценивают выделенные согласные как немягкие только при прослушивании их изолированно или с примыкающим к ним слева гласным (например, [еб] в словоформе *скребешь*, [уп] в *купила*, [уб] в *нарубил* и т.п.)⁷. При прослушивании изолированных слогов типа [бе], [пи], [би] или словоформ, содержащих эти слоги, губные согласные воспринимаются аудиторами как мягкие. Оценка согласных в сочетаниях *бе*, *би*, *пи* как мягких, вероятно, связана с тем, что гласные [е] и [и] имеют очень высокие значения второй форманты (2800-3000 Гц, что на 300-400 Гц выше, чем в литературном языке).

Так называемые «полумягкие» согласные перед гласными переднего ряда неоднократно фиксировались в русских говорах, относящихся к южнорусскому, к севернорусскому наречиям и к среднерусским говорам; в частности, этому явлению посвящена карта 65 первого тома ДАРЯ. Связь «полумягкости» с коартикуляционными переходами от согласного к гласному переднего ряда впервые установлена в настоящей работе.

В третьей части главы проанализированы дифтонги – реализации фонем /ъ/ и /ѡ/, а также фонем /у/, /о/, /а/ после мягких согласных. Представлены динамические спектрограммы словоформ, иллюстрирующие специфику коартикуляции на стыке согласных и дифтонгов. Приводятся данные об абсолютной и относительной длительности фаз дифтонгов.

Для эксперимента по установлению соотношения длительностей частей дифтонгов был использован материал из аудиозаписи информантки ЕФ: все слова со структурой просодического центра САСХ, где С – любой согласный, А – предударный гласный, реализующий фонему неверхнего подъема, Х – ударный дифтонг (тем самым, из всей совокупности имеющихся словоформ, содержащих дифтонги, были выбраны те, в которых наличие дифтонга – фонемы верхне-среднего подъема под ударением «можно проконтролировать» качеством предударного гласного). Выбранные словоформы разделены на четыре группы в зависимости от длительности дифтонга под ударением: словоформы с длительностью ударных дифтонгов 1) до 100 мс; 2) 100-130 мс; 3) 130-160 мс; 4) свыше 160 мс.

Ударные гласные в словоформах первой группы неоднородны, однако дифтонгами в классическом смысле не являются: изменения значений обеих формант происходят на протяжении всего гласного, но выраженных двух частей не наблюдается. В этой группе оказались формы местоимений *мне*, *себе*, *тобе*, наречия *навечно*, *потом* и некоторые другие, в речи обычно находящиеся вне фразового акцента.

Две фазы ударного дифтонга достаточно отчетливо выделяются у словоформ 2, 3 и 4 групп. Переходная часть между фазами дифтонга бывает разной длительности; граница между фазами дифтонга проводилась посередине переходной части.

Части дифтонга [ие] в словоформах 2, 3 и 4 групп соотносятся по длительности как 1,5:1, то есть при увеличении общей длительности ударного дифтонга [ие] равномерно увеличивается длительность каждой из его частей.

Соотношение длительностей частей дифтонга [уо] значительно варьирует в зависимости от общей длительности дифтонга и, по-видимому, связано с позицией под фразовыми акцентами разных типов. В словоформах 2 группы части этого дифтонга

⁷ Мы провели небольшой эксперимент, дав прослушать двум носителям литературного языка соответствующие аудиофрагменты сначала в изолированном виде, затем в составе словоформы.

соотносятся как 1,1:1, 3 группы – как 1,3:1, 4 группы – как 1,6:1. Таким образом, при увеличении общей длительности ударного дифтонга [yo] увеличивается длительность его первой у-образной части.

Дифтонги, наблюдаемые на месте фонем /a/, /o/, /y/ после мягких согласных фонем, различий в плане соотношения длительностей частей не демонстрируют. Во всех этих дифтонгах длительность и-образной части составляет около 50 % от длительности второй а-, о- или у-образной части, причём такое соотношение наблюдается и во 2, и в 3, и в 4 группах словоформ под фразовым акцентом. И-образная часть наблюдается после мягких согласных перед гласными непереднего ряда и в литературном языке, длительность её по отношению к общей длительности всего звуко типа составляет обычно от 15%⁸ до 18%⁹.

В 4 главе диссертации рассматривается вокализм первого предударного слога в говоре с. Роговатое. Глава состоит из двух частей: первая посвящена аканью, вторая – яканью.

Материалом для этой главы послужили аудиозаписи речи ДР, МАМ, ЕФ, МП, АД и ЕС в расшифровке автора, ДР, ЕН, НИ, АФ, ЕЖ, МК в расшифровке А.В. Тер-Аванесовой и А.В. Малышевой, а также записи речи ЕФ и АД, которые использовались для инструментального анализа.

1. Аканье

Говор Роговатого характеризуется архаическим диссимилятивным аканьем, при котором фонемы неверхнего подъёма после твёрдых согласных совпадают в звуке [a] перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма и в звуке [ъ] перед ударными гласными среднего и нижнего подъёма. Средние значения первых двух формант предударного [a] таковы: F1=716 Гц; F2=1641 Гц. Качество этого предударного гласного существенно не зависит от качества окружающих его согласных и от того, какой именно из гласных верхнего или верхне-среднего подъёма оказывается под ударением, см. таблицу 2. Это «долгий» звуко тип: его длительность составляет в среднем 120 мс.

Таблица 2. Средние значения формант предударного [a] перед разными ударными гласными (в Гц)

	Перед [и]	Перед [ы]	Перед [ие]	Перед [у]	Перед [иу]	Перед [yo]
F1	740	709	694	731	694	708
F2	1689	1648	1637	1665	1644	1590

Звук [ъ] характеризуется средними значениями F1=642 Гц, F2=1633 Гц и представляет собой «короткий» аллофон фонем неверхнего подъёма, его средняя длительность составляет 75 мс. С краткостью этого звука связано то, что он подвержен влиянию окружающих его согласных больше, чем «долгий» предударный [a] (это заметно не только по значениям F2, но и по значениям F1): положение после губных и заднеязычных согласных способствует появлению огубленности этого звука, сближению первых двух формант, положение после переднеязычных согласных и перед мягкими согласными – сдвигу этого гласного вперёд (увеличению значений F2), положение перед ударным [o] – небольшому сдвигу назад (уменьшению значений F2), см. таблицу 3.

⁸ Князев С.В. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. – М.: Изд-во Макс-Пресс, 2006. – С. 46.

⁹ Кузнецова А.М. Изменения гласных под влиянием соседних мягких согласных. – М.: Наука, 1965. – С. 20.

Таблица 3. Средние значения формант предударного [ъ] перед разными ударными гласными

	Перед [а]	Перед [о]	Перед [е]	Перед [иа]	Перед [ио]
F1	665	640	607	653	608
F2	1629	1512	1724	1579	1704

2. Яканье

2.1. Распределение аллофонов фонем неверхнего подъёма после мягких согласных в первом предударном слоге

Говор характеризуется архаическим диссимилятивным яканьем: после мягких согласных в первом предударном слоге на месте гласных фонем неверхнего подъёма перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма выступает «долгий» аллофон [иа] или [еа], а перед ударными гласными среднего и нижнего подъёма – «короткий» аллофон: монофтонг, отличный от [а]. При этом «короткий» аллофон в позиции перед ударными /o/, /a/ перед твёрдыми согласными – это звук [е] у всех информантов, а перед ударными /e/, /o/, /a/ перед мягкими согласными у одной части информантов обычен звук [и], у другой части – [е], см. таблицу 4.

Таблица 4. Система архаического диссимилятивного яканья в говоре Роговатки

Гласные первого предударного слога на месте фонем неверхнего подъёма	Ударные гласные
[е]	/o/, /a/
[и] / [е]	/e/, 'o/, 'a/
[а]	/u/, /y/, /ʏ/, /ø/

Преобладание [е] перед мягкими согласными мы наблюдали у меньшего числа информантов (АД, ЕС, МП, ЕН). У этих информантов тип архаического яканья близок к задонскому типу. Характерно, что все они родились на одном из двух хуторов, или улиц, находящихся на юге села, в километре-двух от центра. У других информантов (ДР, НИ, ЕФ, ЕЖ, МК) перед мягкими согласными преобладает [и]; этот тип архаического яканья можно было бы назвать «умеренным задонским»; он зафиксирован нами у большего числа информантов (включая и тех, расшифровки речи которых не вошли в материал данного исследования). Таким образом, у большей части жителей села представлена особая разновидность задонского типа яканья, которая в ДАРЯ не отмечена.

Количественное распределение звуков [и] и [е] в позиции яканья перед ударными гласными нижнего и среднего подъёмов у 9 информантов приведено в двух таблицах ниже.

Таблица 5. Количественное распределение аллофонов фонем неверхнего подъёма перед ударными гласными [а] и [о]

Перед ударным гласным	Перед [а]			Перед [о]		
	[е]	[и]	Всего	[е]	[и]	Всего
Предударный гласный						
АД (1926 г.р.)	149	2	151	122	6	128
ЕС (1919 г.р.)	97	1	98	47	0	47
МП (1926 г.р.)	83	0	83	57	2	50
ЕН (1932 г.р.)	93	0	93	83	1	84
ДР (1923 г.р.)	14	0	14	20	0	20

НИ (1939 г.р.)	60	0	60	29	1	30
ЕФ (1939 г.р.)	76	3	79	22	2	24
ЕЖ (1935 г.р.)	103	1	104	26	0	26
МК (1929 г.р.)	18	1	19	20	2	22

Таблица 6. Количественное распределение аллофонов фонем неверхнего подъёма перед ударными гласными [е], [иа], [ио]

Перед ударным гласным	Перед [е]			Перед [иа]			Перед [ио]		
	[е]	[и]	Всего	[е]	[и]	Всего	[е]	[и]	Всего
Предударный гласный									
АД (1926 г.р.)	28	26	54	38	6	44	20	3	23
ЕС (1919 г.р.)	30	4	34	35	3	38	33	1	34
МП (1926 г.р.)	11	10	21	42	6	48	10	7	17
ЕН (1932 г.р.)	28	11	39	18	13	31	10	2	12
ДР (1923 г.р.)	6	10	16	2	9	11	9	7	16
НИ (1939 г.р.)	3	6	9	1	16	17	0	21	21
ЕФ (1939 г.р.)	2	40	42	0	15	15	2	8	10
ЕЖ (1935 г.р.)	1	26	27	2	41	43	0	3	3
МК (1929 г.р.)	3	18	21	2	6	8	1	2	3

По данным, собранным нами в экспедициях 2000-х и 2010-х гг., весьма близок к системе «умеренного задонского» яканья предударный вокализм после мягких согласных в говорах сёл, расположенных к востоку от Роговатого на территории Воронежской области: Скупая Потудань Нижнедевицкого р-на (в 6 км от Роговатого), Истобное Репьёвского р-на (в 20 км), Краснолипые Репьёвского района (в 25 км), Новосолдатка Репьёвского района (в 29 км), Платава Репьёвского района (в 34 км), Россошки Репьёвского района (в 35 км), Мастюгино Острогожского района (в 45 км), а также хутора Бузёнки Острогожского района (в 38 км).

2.2. Качество аллофонов фонем неверхнего подъёма после мягких согласных в первом предударном слоге

Звукотипы [иа] и [еа], средняя длительность которых 145 мс, неоднородны: на протяжении звучания существенно меняются значения первой и второй форманты: F1 – от 550 Гц в начале звучания до 900 Гц в конце, F2 – от 2350 Гц до 1900 Гц. Таким образом, *e*-образный в начале звучания гласный к концу преобразуется в *a*-образный. Однако чёткую границу между этими двумя точками (*e*- и *a*-образными частями) провести сложно: между ними существует очень плавная переходная зона (можно сказать, что весь звук – это переходная зона). Таким образом, предударные [иа] и [еа] отличаются от [иа] под ударением, который имеет более выраженный дифтонгический характер.

«Краткие» аллофоны фонем неверхнего подъёма [е] и [и] – относительно однородные (по крайней мере, в плане значений F1) звуки со средней длительностью 80 мс. Средние значения формант предударного [е], измеренные в словоформах с ударными гласными [а] и [о]: F1=506 Гц, F2=2154 Гц.

Таблица 7. Средние значения формант предударного [е] перед ударными гласными [а] и [о]

	Перед [а]	Перед [о]
F1	497	514
F2	2183	2124

Средние значения формант предударного [е], измеренные в словоформах с ударными гласными [е], [иа], [ио] из аудиозаписи информантки АД, у которой в этой позиции преобладает предударный [е]: F1=500 Гц, F2=2000 Гц.

Средние значения формант предударного [и], измеренные в словоформах с ударными гласными [е], [иа], [ио] из аудиозаписи информантки ЕФ, у которой в этой позиции наблюдается предударный [и]: F1=419 Гц, F2=2369 Гц.

5 глава посвящена количественным отношениям между гласными первого предударного и ударного слогов говора Роговатого. Дается описание и анализ результатов двух экспериментов по определению длительности гласных просодического ядра, зависимости длительности гласных от фразовых условий, а также соотношению длительностей гласных верхнего и неверхнего подъема первого предударного слога и гласных разных ступеней подъема ударного слога.

Материалом послужили три специально размеченные аудиозаписи длительностью 1 ч 30 мин (информант ЕФ), 1 ч 54 мин (информант ДР) и 1 ч (информант МАМ). В ходе разметки вручную определены начало и конец звучания гласного ударного и первого предударного слогов в 1931 словоформе – во всех имеющихся в указанных записях примерах, где помимо ударного присутствует первый предударный слог. Далее при помощи скрипта `formant_f0_meas1`¹⁰ рассчитана длительность каждого гласного сегмента. Все словоформы были разбиты на 12 групп в зависимости от ударного гласного: [а, иа, е, о, ио, ие, уо, иуо, у, иу, и, ы]. Каждая из этих групп в свою очередь разделена на 6 подгрупп в зависимости от качества гласного 1-го предударного слога и твёрдости/мягкости предшествующего согласного:

- предударные гласные неверхнего подъема после твёрдых согласных;
- предударные гласные неверхнего подъема после мягких согласных;
- предударный гласный [ы];
- предударный гласный [и];
- предударный гласный [у] (после твёрдых согласных);
- предударный гласный [иу] (после мягких согласных).

Таким образом, всего выделено 72 группы примеров. Все группы примеров были помещены в рабочие таблицы в формате Excel и упорядочены по возрастанию абсолютной длительности гласного ударного слога. Каждая рабочая таблица содержит примеры с определенным гласным ударного слога и определенным гласным 1-го предударного слога (таблицы приводятся в Приложении 8). Так, таблица 1 включает все примеры типа *вѣда́, сѣма́*, таблица 2 – примеры типа *н'есла́, б'еда́, сл'еза́, н'ета́к*, таблица 3 – примеры типа *быка́*, таблица 4 – примеры типа *н'ила́*, таблица 5 – примеры типа *суда́*, таблица 6 – примеры типа *кл'ука́*, таблица 7 – примеры типа *кѣн'ам'и, сѣн'ам'и* и т. д.

В ходе двух экспериментов были определены следующие параметры длительности 12 гласных ударного слога и 9 гласных 1-го предударного слога:

- диапазоны варьирования абсолютных длительностей;
- средние абсолютные длительности;
- длительности, соответствующие медиане выборки;

¹⁰ MPI EVA / © Sven Grawunder. Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Leipzig, 2012-08-16. http://email.eva.mpg.de/~grawunde/praat/praat_SG.htm.

– средние относительные длительности гласных 1-го предударного слога (процентное отношение средних абсолютных длительностей предударных гласных к средним абсолютным длительностям ударных гласных, перед которыми они произносятся).

В ходе первого эксперимента, который проводился на всём материале, выяснилось, что разброс значений абсолютных длительностей ударных гласных (в меньшей степени – предударных) чрезвычайно велик: минимальные значения длительности ударных гласных около 50 мс, максимальные – более 350 мс. Известно, что темпоральная организация слова в большой степени зависит «от типа интонации, позиции слова во фразе и, в особенности, степени смысловой выделенности слова. Увеличение длительности ударного гласного является в русском языке одним из важнейших средств достижения просодической выделенности слова, отражающих его семантический вес, и создания интонационного центра и других сильных точек интонационного контура»¹¹. Учитывая это обстоятельство, для второго эксперимента мы взяли часть материала, ограниченного в связи с фразовой позицией словоформы.

1. Первый эксперимент.

В результате первого эксперимента были получены следующие данные о средней и медианной длительности ударных гласных, см. таблицу 8.

Таблица 8. Среднеарифметические и медианные значения длительности ударных гласных

Подъём	Гласные ударного слога	Среднеарифметические значения длительности ударных гласных (в мс)	Медианные значения длительности ударных гласных (в мс)	Всего слов
Верхний	ы	126	122	72
	и	126	113	235
	у	153	143	137
	иу	154	149	44
Верхне-средний	ие	137	129	172
	уо	143	138	197
	иуо	143	112	13
Средний	е	153	136	237
	ио	171	152	95
	о	133	121	167
Нижний	а	152	140	421
	иа	173	164	141

Естественно предположить, что средние длительности ударных гласных должны увеличиваться с понижением подъёма, так как известно, что гласные обладают собственной длительностью, которая тем больше, чем ниже подъём гласного. По данным ряда исследователей, соотношения средних длительностей ударных гласных русского литературного языка следующие: длительность гласных верхнего подъёма [и], [ы], [у] составляет около 75%, а длительность гласных среднего подъёма [о], [е] – около 90% от длительности гласного нижнего подъёма [а]¹². Однако на нашем материале

¹¹ Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. – С. 153–156.

¹² Кузнецов В.Б., Отт В.А. Автоматический синтез речи. Алгоритм преобразования «буква-звук» и управление длительностью речевых сегментов. – Таллинн: Валгус, АН ЭССР, Ин-т кибернетики, 1989. – С. 68.

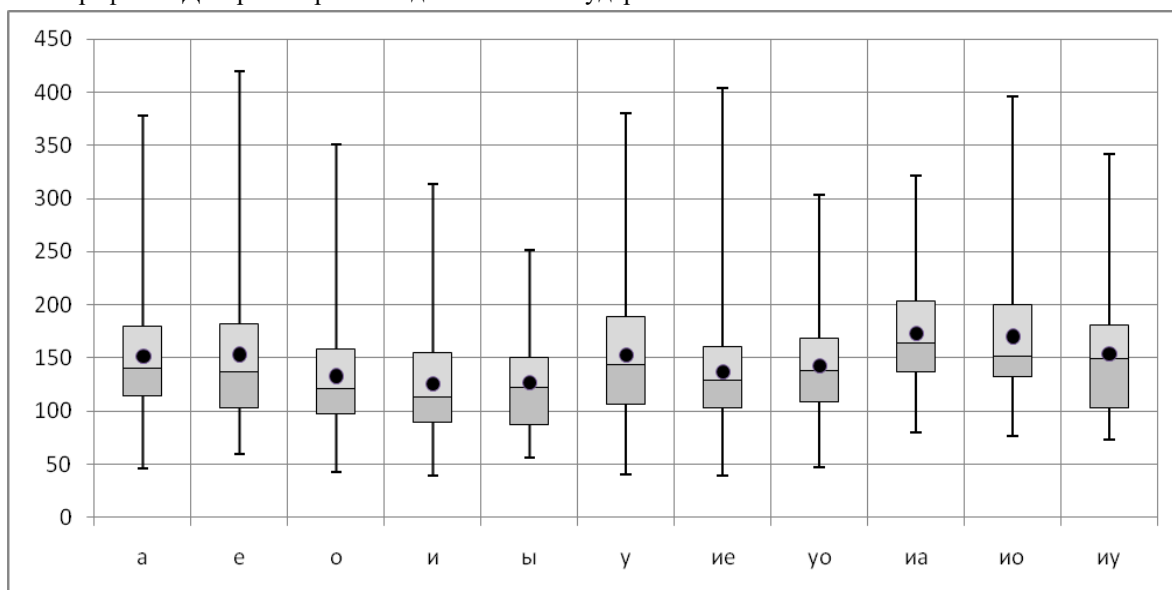
последовательного уменьшения средней абсолютной длительности с повышением подъёма гласного не наблюдается (см. табл. 8). Иерархия средних длительностей (начиная с наиболее долгих) выглядит так:

- 1) ио, иа,
- 2) е, а, у, иу,
- 3) уо,
- 4) ие, о,
- 5) ы, и.

И хотя отношения средних длительностей большинства ударных гласных к длительности гласного [а], установленные на данном материале, соответствуют отношениям средних длительностей гласных литературного языка, выражающим различия гласных по собственной длительности, по В.Б. Кузнецову и В.А. Отту (например, средние длительности [и] и [ы] составляют на материале Роговатого примерно 77% от средней длительности [а]; средние длительности [ие] и [уо] – соответственно 90% и 93% от средней длительности [а]; средняя длительность [о] – чуть больше 87% от средней длительности [а]), средние длительности [е] и [у] оказались выше ожидаемых. Это, по-видимому, связано с положением большого числа словоформ с [е] и [у] под фразовым акцентом и/или в конце слова, что обычно способствует продлению ударного гласного, см. сноску 11.

Для того чтобы визуализировать различия в распределении примеров с той или иной длительностью ударных гласных, мы использовали диаграммы размаха, или «ящики с усами» (см. график 2, где по оси ординат отложены значения абсолютной длительности ударных гласных в миллисекундах, на оси абсцисс размещены диаграммы размаха значений длительностей 11 гласных; чёрными точками обозначены средние значения длительности гласных).

График 2. Диаграмма размаха длительностей ударных гласных

Диаграммы показывают, что у большинства гласных, кроме [ы] и [иу], наибольшая «плотность», или наибольшее количество примеров, приходится на вторую четверть выборки (нижняя часть «ящиков») и что наименьшая «плотность» свойственна области

высоких значений длительности ударных гласных, что отражается в длине верхних «усов».

На графике можно видеть, что медианные значения более последовательно, чем средние арифметические, «выстраиваются» в соответствии со ступенями подъёма гласных монофтонгов. В ещё большей степени градации ступеней подъёма монофтонгов соответствуют значения первых квартилей; кроме того, сами объёмы большинства «ящичков» смещены относительно друг друга в соответствии со шкалой подъёмов монофтонгов. На основании статистического распределения, показанного при помощи «ящичков с усами», можно думать, что разные по подъёму = собственной длительности монофтонги в нашей выборке примеров различаются именно диапазонами сравнительно низких значений абсолютной длительности, на которые приходится наибольшая концентрация примеров.

Принимая во внимание связь длительности ударных гласных с фразовыми условиями произнесения словоформы, нами был проведен дополнительный эксперимент для выяснения того, какие диапазоны длительностей характерны для разных ударных гласных в позиции фразовых акцентов разных типов и вне фразового акцента. Была проведена «просодическая разметка» всего материала: относительно каждого примера было установлено на слух и инструментально и отмечено в рабочей таблице, находится ли он в позиции фразового акцента, и если находится, то какого именно типа фразового акцента (по системе Е.А. Брызгуновой¹³; система фразовой просодии в говоре существенно не отличается от литературной). Далее в формате Excel были построены графики для каждого ударного гласного, показывающие абсолютную длительность его репрезентантов в условиях разных фразовых акцентов и вне фразового акцента (см. Приложение 9). Были сделаны выводы о том, что 1) наиболее длительными (свыше 130 мс) обычно являются репрезентанты гласных в позиции «модальных» фразовых акцентов (типа ИК-4 и ИК-6 по Е.А. Брызгуновой), из которых в исследованных аудиозаписях диалектной речи чаще других встречается ИК-6; 2) в позициях вне фразового акцента и нейтрального по своей смысловой нагрузке фразового акцента типа ИК-1 диапазоны длительностей ударных гласных, на которые приходится наибольшая концентрация примеров, не одинаковы у гласных с разной собственной длительностью и различаются главным образом своими «нижними границами».

На длительность первого предупредительного гласного фразовый акцент влияет в меньшей степени. Длительность гласных, которые реализуют фонемы неверхнего подъёма в первом предупредительном слоге, в первую очередь зависит от того, какой гласный находится под ударением. Так, звук [ъ], наблюдаемый после твёрдых согласных перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов [а], [иа], [е], [о], [ио], имеет средние абсолютные длительности от 70 до 79 мс перед разными гласными, в противоположность звуку [а], наблюдаемому также после твёрдых согласных перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов [и], [ы], [у], [иу], [уо], [иуо], [ие], средняя длительность которого колеблется от 110 до 123 мс. Так же противопоставляются длительности звуков, реализующих фонемы неверхнего подъёма после мягких согласных: средние длительности [е] и [и] колеблются в пределах 76-86 мс, а [еа] ([иа]) – 122-157 мс перед разными гласными.

¹³ Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Том I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. – М.: Наука, 1980. – С. 97-120.

Гласные – реализации фонем неверхнего подъёма после мягких согласных в среднем имеют бóльшую длительность, чем реализации фонем неверхнего подъёма после твёрдых: [е] и [и] в среднем несколько более долгие, чем [ъ], средняя длительность [ea] ([иа]) сильно превышает среднюю длительность [а].

Среди «кратких» аллофонов в позиции после мягких согласных [е] и [и] несколько бóльшую длительность имеет [е].

Таблица 9. Средняя длительность аллофонов фонем неверхнего подъёма в первом предударном слоге

После тв. согл.	«Краткие» аллофоны		«Долгие» аллофоны		После мягк. согл.	«Краткие» аллофоны		«Долгие» аллофоны	
	ъ	74 мс	а	119 мс		е	84 мс	ea (иа)	143 мс
						и	78 мс		

Как видно из таблицы 9, все аллофоны фонем неверхнего подъёма, представленные в первом предударном слоге, по признаку длительности чётко делятся на две группы: 1) «краткие» аллофоны (звуки [ъ], [е], [и]) – в предударном слоге перед ударными /а/, /е/, /о/, и 2) «долгие» аллофоны (звуки [а], [ea] ([иа])) – перед ударными /ъ/, /ѡ/, /и/, /у/. Средние длительности первых и вторых соотносятся приблизительно как 3:5.

Длительность гласных – реализаций фонем верхнего подъёма в первом предударном слоге не зависит от качества ударного гласного.

Таблица 10. Средняя длительность аллофонов фонем верхнего подъёма в первом предударном слоге

Предударные гласные	Перед ударными гласными нижнего и среднего подъёма	Перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма
ы	74	74
у	89	90
и	76	76
иу	91	85

Из таблиц 9 и 10 видно, что реализации фонем верхнего подъёма в первом предударном слоге сопоставимы по длительности с «краткими» реализациями фонем неверхнего подъёма. Аллофоны фонемы /и/ в целом более краткие, чем аллофоны /у/, как после твёрдых, так и после мягких согласных.

2. Второй эксперимент.

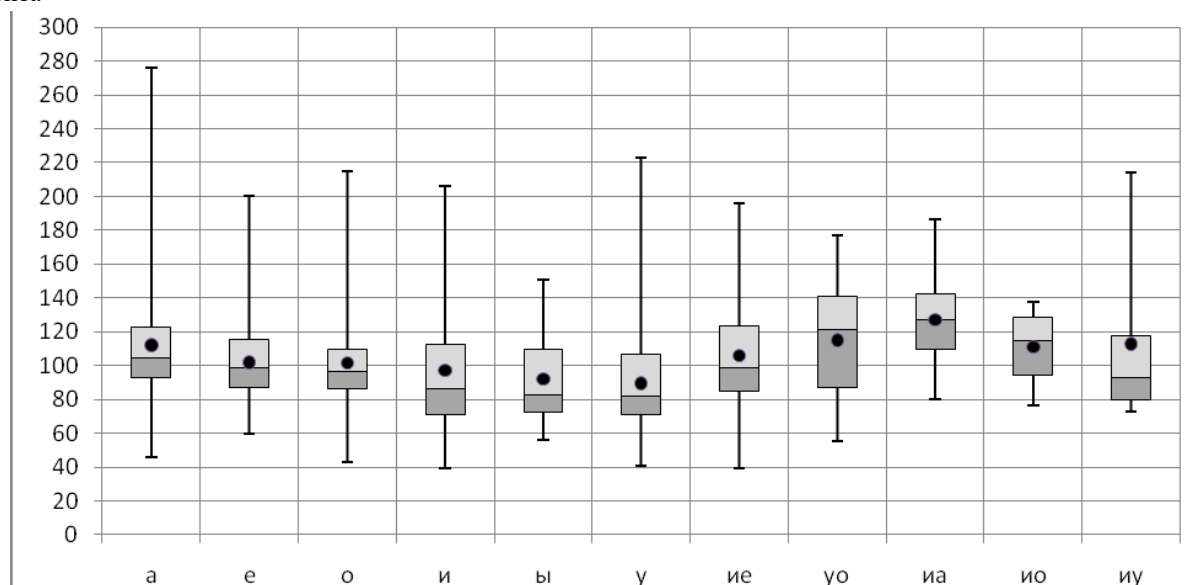
Для второго эксперимента по определению длительности гласных в говоре Роговатого были отобраны только словоформы, находящиеся вне фразового акцента (абсолютные длительности ударных гласных в этих случаях обычно не превышают 150 мс), а также исключены все примеры, в которых ударный гласный находился в открытом слоге перед паузой (в абсолютном конце слова и фразы).

Среднеарифметические и медианные значения длительности гласных ударного слога в словоформах вне фразовой позиции представлены в таблице 11 и на диаграмме «ящички с усами» (график 3).

Таблица 11. Среднеарифметические и медианные значения длительности ударных гласных в словоформах вне фразового акцента

Подъём	Гласные ударного слога	Среднеарифметические значения длительности ударных гласных (в мс)	Медианные значения длительности ударных гласных (в мс)	Всего словоформ
Верхний	ы	92	82	20
	и	97	86	64
	у	89	82	23
	иу	113	93	8
Верхне-средний	ие	106	99	52
	уо	115	121	37
Средний	е	102	98	75
	ио	111	115	8
	о	102	96	57
Нижний	а	112	104	107
	иа	127	127	20

График 3. Диаграмма размаха длительностей ударных гласных в словоформах вне фразового акцента

Отношения средних длительностей ударных монофтонгов верхнего подъёма к средней длительности ударного [а] составляют 87 % ([и]), 82 % ([ы]), 79 % ([у]), что выше процентного отношения, выражающего различия этих гласных по собственной длительности, установленного для соответствующих гласных литературного языка В.Б. Кузнецовым и В.А. Оттом. «Формуле В.Б. Кузнецова и В.А. Отта» соответствует отношение длительностей гласных [е] и [о] к длительности [а], составляющее 90 %.

Оба эксперимента показывают, что средние длительности дифтонгов [ие] и [уо] различны. По результатам первого эксперимента, средняя абсолютная длительность [ие] несколько выше, чем [о] (129 и 121 мс соответственно), а по результатам второго эксперимента дифтонг [ие] (106 мс) лишь незначительно более долгий, чем монофтонги среднего подъёма [е] и [о] (102 мс). Таким образом, средняя длительность дифтонга [ие] очень близка к длительности монофтонгов среднего подъёма.

Дифтонг [yo] имеет средние и медианные значения длительности, превышающие длительности не только всех гласных среднего подъёма, но и, по результатам второго эксперимента, превышающие длительность [a] и [iu]. Возможно, это связано с тем, что в нашей выборке данные по [yo] случайно оказались непоказательными; на это может указывать большой разброс значений в средней части выборки примеров, что видно на графике 3. Возможно также, что между дифтонгами [ие] и [yo] действительно нет полного параллелизма.

Сравнение значений длительности аллофонов гласных неверхнего подъёма в первом предударном слоге, рассчитанных на всём материале и рассчитанных на материале словоформ вне фразового акцента, показало, что между значениями длительности «кратких» аллофонов (звукотипов [ъ], [е], [и]) существенных различий нет. «Долгие» же аллофоны (звукотипы [a], [ea] ([иа])) различаются и в первом случае имеют длительность в среднем на 10–15 мс больше, чем во втором. В значениях длительности аллофонов фонем верхнего подъёма в первом предударном слоге по итогам двух экспериментов различий выявлено не было.

3. Относительная длительность (ОД) предударных гласных

Значения ОД предударных аллофонов фонем неверхнего подъёма, полученные в ходе двух экспериментов, приведены в таблицах 12 и 13.

Таблица 12. Средние ОД долгих предударных гласных – аллофонов фонем неверхнего подъёма

Звук в 1 предударном слоге	Звук в ударном слоге	Средняя ОД предударных гласных (в %). 1-й эксперимент	Средняя ОД предударных гласных (в %). 2-й эксперимент
а	у, ы, и	100	120
а	ие, yo, iу	90	90
ea ([иа])	у, ы, и	110	140
ea ([иа])	ие, yo	110	120

Таблица 13. Средние ОД кратких предударных гласных – аллофонов фонем неверхнего подъёма

Звук в 1 предударном слоге	Звук в ударном слоге	Средняя ОД предударных гласных (в %). 1-й эксперимент	Средняя ОД предударных гласных (в %). 2-й эксперимент
ъ	е, о, а	50	60
ъ	ио, иа	50	70
е, и	е, о, а	60	70
и	ио, иа	50	50

Данные о средних ОД долгих предударных гласных соответствуют нашим ожиданиям, а именно: более долгий [ea] ([иа]) имеет более высокую среднюю ОД, чем более краткий [a] в тех же позициях; [a] имеет более высокую среднюю ОД перед монофтонгами верхнего подъёма, чем перед дифтонгами [ие], [yo]. Наиболее показательными значениями для данной группы являются значения ОД [a] перед монофтонгами верхнего подъёма (и [ea] перед дифтонгами верхне-среднего подъёма), в таблице 13 они выделены жирным шрифтом. Как правило, средняя ОД долгих предударных больше или равна 100 % по данным двух экспериментов, и в трёх случаях из

четырёх ОД долгих предударных примерно на 17–21 % выше у словоформ вне фразового акцента (2-й эксперимент), чем во всей выборке (1-й эксперимент).

Средние ОД кратких предударных аллофонов фонем неверхнего подъёма не обнаруживают, в отличие от долгих аллофонов, чёткой зависимости от позиции; эта зависимость видна только у кратких предударных аллофонов после мягких согласных – их средняя ОД больше перед ударными монофтонгами и меньше перед дифтонгами по данным обоих экспериментов. Наиболее показательны для данной группы значения ОД [ъ], [и], [е] перед монофтонгами неверхнего подъёма (в таблице 13 выделены жирным шрифтом). Средние ОД кратких предударных составляют 50–60 % (в среднем 52,5 %) по данным первого эксперимента и 50–70 % (в среднем 62,5 %) по данным второго эксперимента.

Предударные гласные верхнего подъёма не обнаруживают единства в отношении ОД.

Гласные [и], совпадающий по тембру с краткими гласными – аллофонами фонем неверхнего подъёма, и [ы] имеют в позиции перед «фонологически долгими» ударными гласными средние значения ОД, совпадающие с ОД кратких аллофонов фонем неверхнего подъёма. В первом эксперименте они составляют 40–60 % (в среднем 50 %), во втором – 50–60 % (в среднем 56,6 %). Средние ОД огубленных гласных [иу] и [у] в позиции перед «фонологически долгими» ударными выше, чем неогубленных, и колеблются в обоих экспериментах от 60 до 80 % (в среднем 67,5 % в первом эксперименте и 73 % во втором, ОД в безударной фразовой позиции на 9 % выше).

Как и следовало ожидать, перед ударными гласными верхнего подъёма средние значения ОД предударных гласных верхнего подъёма обычно выше и достигают у предударных [ы], [и], [у] 60–80% (в среднем 61%) по результатам первого эксперимента и 60–90% (в среднем 68,3%) по результатам второго. В этом случае средние ОД характеризуют отношения предударных и ударных гласных, имеющих одинаковую собственную длительность, и могут рассматриваться как величины, обратные «коэффициентам удлинения» ударного гласного в различных фразовых условиях.

Таким образом, средние ОД предударных гласных, установленные на материале словоформ в разных фразовых позициях и как следствие с разными средними длительностями ударных гласных, имеют тем меньшие величины, чем выше средние значения длительности ударных гласных. Тот же вывод следует из анализа значений ОД предударных гласных, ранжированных по абсолютной длительности ударного гласного, что показано на графике 13 в Приложении 9.

В заключении приводятся основные выводы.

1. Говоры, характеризующиеся архаическим предударным вокализмом, распространены на территории нынешних Воронежской, Белгородской и Липецкой областей. Южная их граница совпадает с границей ДАРЯ, северная проходит по границе Задонского района Липецкой области. На самом юге этой территории архаический вокализм представлен обоянским типом яканья в «чистом» виде, в центральной части и на севере – задонским яканьем разной степени сохранности. В говорах центральной части преимущественно наблюдается «умеренное задонское» яканье (говор Роговатого и западные воронежские говоры сёл Мастюгино, Краснолипые, Новосолдатка, Россошки, Платава, Бузёнки, Истобное, Скупая Потудань), в северной части – конкуренция звуков [а]

и [е] перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма, независимо от твёрдости / мягкости согласного между предударным и ударным гласным, и звуки [е] и [и] перед ударными гласными среднего и нижнего подъёма (первый преимущественно перед твёрдыми согласными, второй – перед мягкими) при сохранении последовательного архаического аканья (говоры сёл Гнилуша, Уткино, Калабино, Ксизово, Сцепное, Ольшанец Задонского района Липецкой области). Таким образом, в этих последних говорах прослеживается тенденция к трансформации задонского яканья в новый тип вокализма, который можно было бы назвать диссимилятивно-умеренным еканьем.

2. Говоры с архаическим предударным вокализмом и семью фонемами под ударением, расположенные на юге и в центральной части всей территории распространения архаического вокализма, достаточно устойчивы и хорошо сохраняются до сих пор. Однако есть важное различие между системами с обоянской разновидностью архаического яканья и системами с задонской разновидностью. Первые характеризуются противопоставлением [а] и [и] в первом предударном слоге на месте фонем неверхнего подъёма, вторые – противопоставлением соответственно [а] и [е]. Отсутствие в говорах первого типа предударного гласного [е] как звукотипа, среднего между [и] и [а], то есть такой зоны, в которой [и] и [а] могли бы артикуляционно сблизиться или даже совпасть, делает её особенно устойчивой. С этим обстоятельством, вероятно, связано и то, что в таких говорах не наблюдается зависимости качества предударного гласного от твёрдости / мягкости последующего согласного. В говорах второго типа «краткий» звукотип в значительной степени подвержен влиянию твёрдости / мягкости последующего согласного. Так, перед мягкими согласными гласный [е] сдвигается вперёд, повышается его подъём, он сближается с гласным [и]; перед твёрдыми согласными предударный [е], напротив, может сдвигаться назад, его подъём понижается, он может сближаться с гласным [а]. Однако даже при таком качественном изменении количественное противопоставление «долгих» и «кратких» звукотипов сохраняется как особенность данных говоров и в наши дни.

3. Гласные монофтонги говора с. Роговатое (равно как и двух других южнорусских говоров, рассмотренных в работе, – говоров сёл Истобное и Татарино) под ударением характеризуются более передней локализацией по сравнению с гласными русского литературного языка (диалектные гласные монофтонги обычно имеют более высокие значения F2, чем литературные гласные).

4. Специфика коартикуляции в роговатовском говоре состоит в том, что после губных согласных происходит повышение значений F2 гласных переднего ряда [и], [е], иногда изменение значений доходит до 1000 Гц (от 2000 Гц до 3000 Гц); в соответствующей позиции в русском литературном языке наблюдается понижение значений F2. Такое изменение формантных значений роговатовских гласных [и] и [е] свидетельствует о том, что губные согласные фонетически немягкие в позиции перед этими гласными переднего ряда. Отсутствие формантных переходов или небольшое повышение значений F2 на стыке зубных и [е] отличает говор Роговатого от русского литературного языка и является свидетельством немягкости зубных перед [е].

5. Дифтонги, которые реализуют в роговатовском диалекте под ударением фонемы верхне-среднего подъёма /ѣ/ и /ѡ/, и дифтонги, которые реализуют под ударением фонемы /у/, /о/ и /а/ после фонологически мягких согласных, устроены по-разному: первые имеют начальный участок, который может достигать 2/3 длительности всего

дифтонга, вторые имеют начальный *и*-образный участок, длительность которого составляет около 1/3 длительности всего звукотипа.

6. Система архаического аканья и яканья в Роговатке сохраняется очень устойчиво. В первом предударном слоге после твёрдых согласных на месте фонем неверхнего подъёма дополнительно распределены звукотипы [а] (F1=716 Гц; F2=1641 Гц) и [ъ] (F1=642 Гц, F2=1633 Гц). Первый произносится перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма, второй – перед гласными среднего и нижнего подъёма.

Яканье в Роговатом представлено двумя разновидностями: у части информантов зафиксировано задонское архаическое яканье с двумя звукотипами на месте фонем неверхнего подъёма в первом предударном слоге после мягких согласных: [ea] ([иа]) перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов и [e] перед всеми прочими ударными гласными, у другой части – «умеренное» задонское яканье с тремя звукотипами: [ea] ([иа]) перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов, [e] перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов при твёрдом последующем согласном, [и] перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов при мягком последующем согласном. Обе разновидности задонского яканья, особенно «классическое» задонское яканье, имеют в говоре характер тенденции, выражающейся в количественном преобладании аллофона [e] или [и] в позиции перед мягким согласным. Предударный гласный [ea] ([иа]) неравномерен, его формантные значения плавно меняются от начала к концу следующим образом: F1 – от 550 Гц до 900 Гц, F2 – от 2350 Гц до 1900 Гц. Монофтонг [e] в первом предударном слоге имеет средние значения F1=506 Гц, F2=2154 Гц, а монофтонг [и] – F1=419 Гц, F2=2369 Гц.

7. При изучении длительности ударных гласных задачей исследования был поиск таких условий произнесения, при которых средние абсолютные длительности ударных гласных коррелировали бы с собственной длительностью гласных, в свою очередь коррелирующей с их подъёмом, а также определение условий, в которых различия по собственной длительности нивелируются. Средние длительности ударных гласных, рассчитанные на всем материале, коррелируют с их подъёмом не вполне последовательно: отношения средних длительностей ударных монофтонгов [о], [и], [ы] к средней длительности [а] соответствуют «формуле Кузнецова-Отта», установленной для гласных русского литературного языка, однако средние длительности [e] и [у] оказались аномально высокими; средние длительности дифтонгов [yo] и особенно [ие] очень близки к длительности монофтонга [о]. Наиболее высокими оказались средние длительности дифтонгов [иа], [ио].

Средние длительности ударных гласных, установленные на материале словоформ в позиции вне фразового акцента (и одновременно при более низких значениях абсолютной длительности гласных), более последовательно соотнесены со степенью подъёма: длительности гласных верхнего подъёма составляют 82-87% от длительности [а], гласных [e], [о] – 90% от длительности [а]. Однако средние длительности дифтонгов [ие] и [yo] при этом не одинаковы: если средняя длительность [ие] равна или незначительно превышает средние длительности монофтонгов [e] и [о], то средняя длительность [yo] превышает длительности названных монофтонгов, приближаясь к средней длительности [а].

Противопоставление средних длительностей ударных монофтонгов – репрезентантов фонем /а/, /о/, /e/, /и/, /у/, таким образом, имеет градуальный характер и зависит от подъёма гласных; в систему этих соотношений входит и фонема-дифтонг /ѣ/,

которая в отношении средней длительности сопоставима с фонемами /e/ и /o/; данные по /ω/ во втором эксперименте, видимо, оказались непоказательными.

8. Анализ данных о средней длительности гласных первого предударного и ударного слогов показал, что зависимость между этими величинами имеет фонологический характер. В первом предударном слоге гласные фонемы неверхнего подъёма представлены краткими аллофонами, если в ударном слоге находятся «фонологически долгие» фонемы /a/, /o/, /e/, и долгими аллофонами, если в ударном слоге находятся «фонологически краткие» фонемы /и/, /у/, /ъ/, /ω/. Средние длительности кратких и долгих аллофонов в первом предударном слоге более контрастны, чем средние длительности любых ударных гласных: они соотносятся приблизительно как 3:5 (в безударной фразовой позиции – как 7:11); они образуют строго бинарное противопоставление.

Предударные аллофоны фонем верхнего подъёма по средней длительности совпадают с краткими аллофонами фонем неверхнего подъёма, независимо от подъёма и, соответственно, «фонологической долготы / краткости» ударного гласного.

Средние длительности дифтонгов – реализаций фонем /ъ/, /ω/ – находятся в несоответствии с местом этих фонем в фонологической системе говора: в аспекте их влияния на длительность гласного первого предударного слога фонемы /ъ/, /ω/ являются «фонологически краткими», а монофтонги /e/, /o/ – «фонологически долгими».

Влияние фразовых условий произнесения на длительность ударных гласных проявляется в том, что диапазоны значений длительности у каждого из ударных гласных различны под фразовыми акцентами разных типов. Наиболее длительными (свыше 130 мс) являются гласные в позиции «модальных» фразовых акцентов (типа ИК-4, ИК-6 по Е.А. Брызгуновой). В таких позициях средние длительности всех ударных гласных максимально сближаются.

9. Процентное отношение длительности предударных гласных к длительности ударных не является постоянной величиной, поскольку варьирование абсолютной длительности ударных гласных гораздо более выражено, чем варьирование абсолютной длительности предударных. В целом относительная длительность предударных тем ниже, чем выше абсолютная длительность ударных гласных, причём уменьшение относительной длительности предударных по мере увеличения абсолютной длительности ударных гласных происходит плавно, и лишь в диапазоне 50–120 мс (для разных ударных гласных этот диапазон варьирует) это изменение имеет довольно резкий характер. Измеренные на всём материале, средние относительные длительности кратких аллофонов фонем неверхнего подъёма и аллофонов фонем верхнего подъёма 1-го предударного слога перед ударными гласными среднего и нижнего подъёма составляют чуть более 50 % от длительности ударных аллофонов, средние относительные длительности долгих аллофонов фонем неверхнего подъёма – около 100 % от длительности ударных. Средние относительные длительности аллофонов фонем верхнего подъёма перед ударными аллофонами фонем верхнего подъёма составляют 60–70 %.

Публикации автора в ведущих рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК РФ:

1. Дьяченко С.В. Говор д. Скнятино Калязинского района Тверской области // Русский язык в научном освещении. № 2. 2020. – С. 292–328.

2. Дьяченко С.В., Жидкова Е.Г., Тер-Аванесова А.В. Причастия прошедшего времени и перфектные конструкции в опочецких говорах // (Г.И. Кустова, А.М. Молдован, А.А. Пичхадзе, ред.) Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 22. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (27–29 мая 2019 г.). – М., 2020. – С. 391–425.
3. Дьяченко С.В., Жидкова Е.Г., Малышева А.В., Ронько Р.В., Тер-Аванесова А.В. Экспедиция в Опочечский район Псковской области // Русский язык в научном освещении. № 2 (36). 2018. – С. 257–312.
4. Букринская И.А., Дьяченко С.В., Кармакова О.Е., Тер-Аванесова А.В. Экспедиция в село Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Русский язык в научном освещении, № 2(28). М., ИРЯ РАН, 2014. – С. 263–281.
5. Дьяченко С.В., Малышева А.В. Отчёт об экспедиции в д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области // Русский язык в научном освещении, № 2(28). М., ИРЯ РАН, 2014. – С. 282–296.
6. Дьяченко С.В., Исаев И.И., Малышева А.В., Тер-Аванесова А.В. Экспедиция в село Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Русский язык в научном освещении, № 1(25) М., 2013. – С. 275–284.
7. Дьяченко С.В., Исаев И.И., Черенкова А.Д. Экспедиция в село Краснолипые Репьёвского района Воронежской области // Русский язык в научном освещении, № 1(25) М., 2013. – С. 285–287.
8. Дьяченко С.В., Исаев И.И., Малышева А.В. Экспедиция в с. Татарово Муромского р-на Владимирской области // Русский язык в научном освещении, № 1(25). М., 2013. – С. 287–292.
9. Дьяченко С.В., Исаев И.И. Отчеты о диалектологических экспедициях. Экспедиции во Владимирскую, Воронежскую, Рязанскую, Тамбовскую и Ярославскую области // Русский язык в научном освещении, №1(21). М., 2011. – С. 285–289.
10. Дьяченко С.В. К вопросу о соотношении между предупредительными гласными после твёрдых и мягких согласных в южнорусских говорах (на примере говора с архаическим типом вокализма) // Русский язык в научном освещении. – № 2(20). М., 2010. – 120–142.
11. Дьяченко С.В. Обзор. «Незабытые голоса России: звучат голоса отечественных филологов». Вып. 1 / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; под ред. О.В. Антоновой, Д.М. Савинова. – М.: Языки Славянских Культур, 2009. – 240 С. // Русский язык в научном освещении, № 1(19). М., 2010. – С. 318–319.

Публикации автора в других научных изданиях:

1. Дьяченко С.В., Крылов С.А., Малышева А.В., Тер-Аванесова А.В. Материалы по распределению двух фонем «типа о» в одном южнорусском говоре // Славянское и балканское языкознание. Славистика, индоевропеистика, компаративистика. – М., Индрик, 2019. – С. 34–150.
2. Дьяченко С.В., Малышева А.В., Тер-Аванесова А.В. Из наблюдений над фонетикой владимирско-поволжских говоров: ёканье и позиционная мягкость *ж*, *ш* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Выпуск 17. Фонетика / Отв. ред. выпуска О. В. Антонова, М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов; ред. Е. С. Скачедубова, А. Е. Сомова. — М., 2018. – С. 41–67.

3. Дьяченко С.В. Труды Олафа Брока и современное исследование архаического южнорусского вокализма // Слов'янський світ Олафа Брока / ред. Тамара Льюнгрен, Наталія Хобзей. Серія "Діалектологічна скриня"; Українознавча наукова бібліотека НТШ. Ч. 48. Львів, 2018. – С. 49–59.
4. Дьяченко С.В., Тер-Аванесова А.В. Фонетика заимствований и заимствованная фонетика в русском говоре с семифонемным вокализмом: основы, содержащие е-образные фонемы // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М.: Институт славяноведения, 2018. – С. 36–67.
5. Дьяченко С.В., Малышева А.В., Тер-Аванесова А.В. Образцы говора с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М., 2017. – С. 357–368.
6. Дьяченко С.В. Особенности коартикуляции в южнорусском говоре // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М., 2017. – С. 11–34.
7. Дьяченко С.В. Архаическое яканье в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.): К юбилею декана филологического факультета МГУ профессора Марины Леонтьевны Ремнёвой / Составители О.В. Дедова, Е.В. Петрухина, Л.М. Захаров: Под общим руководством проф. М.Л. Ремнёвой. М.: МАКС Пресс, 2016. – 640 с. – С. 212–214.
8. Дьяченко С.В., Тер-Аванесова А.В. О муромском ёканье // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII международной научной конференции 28–30 октября 2016 года. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 38–40. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 38–40.
9. Дьяченко С.В. Гласные первого предударного и ударного слогов в архаическом южнорусском говоре. Количественный анализ // Исследования по славянской диалектологии. Выпуск 17. Москва, 2015. – С. 244–297.
10. Дьяченко С.В. Образцы говора села Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. III. Диалектология. М., ИРЯ РАН, 2014. – С. 400–407.
11. Дьяченко С.В. Гласные первого предударного и ударного слогов в количественном отношении в одном архаичном южнорусском говоре // Діалекти в синхронії та діяхронії: загальнослов'янський контекст. Україна, Київ, 2014. – С. 176–178.
12. Дьяченко С.В. Гласные в заударном открытом слоге после мягких согласных в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы VII между. науч.-практ. конф. (Воронеж, 25–26 октября 2013 г.). Воронеж, 2013. – С. 102–105.
13. Дьяченко С.В. Развитие системы гласных после твёрдых и мягких согласных в говорах с архаическим типом вокализма // Русская фонетика в развитии: фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Отв. ред. М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткина. М., 2012. – С. 335–357. (Глава в коллективной монографии.)

14. Дьяченко С.В. Система ударных гласных в русских говорах запада Воронежской области // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна: Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. – С. 64–68.

15. Дьяченко С.В., Корпечкова Е.В. К вопросу о динамике архаического типа вокализма в южнорусских говорах // Исследования по славянскому языкознанию, № 15. М., 2011. – С. 224–233.

16. Дьяченко С.В., Корпечкова Е.В. Методика сбора диалектного материала по предупредительному вокализму после мягких согласных в южнорусских говорах с диссимилятивным яканьем // Экспериментальный метод исследования русского языка в вузе и школе. Владимир, 2011. – С. 12–19.

Список информантов

АД, 1926-2013, в школе не училась, грамотная, работала в колхозе; была «на окопах» в Воронежской обл., после войны некоторое время работала на торфоразработках в Ленинградской обл.

АФ, 1948 г. р.; среднее специальное образование, работала библиотекарем; дочь ДР; участница фольклорного ансамбля.

ДР, 1923-2015, образование 10 классов, работала секретарём сельсовета, библиотекарем; мать АФ.

ЕЖ, 1935-2019, образование 5 классов; работала в колхозе; в молодости работала в Москве на строительстве здания МГУ.

ЕН, 1932 г. р., неграмотная; в раннем детстве несколько лет прожила в Сибири, куда семья бежала от коллективизации, в молодости работала на торфоразработках в Ленинградской области, на строительстве здания МГУ и на кирпичном заводе в Москве; вернувшись в Роговатое, вышла замуж и работала в колхозе.

ЕС, 1919-2012?, неграмотная; родственница МП.

ЕФ, 1935 г. р.; образование 5 классов, работала в колхозе; родственница по мужу АФ; участница фольклорного ансамбля.

МАМ, 1932 г. р.; образование 7 классов, работала в колхозе.

МК, 1929 г. р.; неграмотная, работала в колхозе.

МП, 1926 г. р.; образование 2 класса, работала в колхозе, после войны некоторое время была бригадиром полеводческой бригады; участница фольклорного ансамбля с. Роговатое. Родственница ЕС.

НИ, 1937-2014; образование 7 классов, работала в колхозе; певица и поэт, руководитель фольклорного ансамбля с. Роговатое, почётный житель села; мать НИ родом не из Роговатого.